
Тося Шмидт Татьяна Смит
ВОРОЖЕЯ
В ПЕКЛО

Татьяна Смит

Ворожея: В Пекло

«Автор»
«Автор»
2026

Смит Т.

Ворожея: В Пекло / Т. Смит — «Автор», «Автор», 2026

Думал ли князь, мечтая об окончании зимы, что согреться он сможет только в Пекле?И спасти его может только ведьма. Вильфрида, которую снова ждёт дальняя дорога и новые испытания, получает странного чура. Ей предстоит разгадать немало загадок.Ну и, конечно, куда же без Прошки и Грани? Эти двое заскучать ей не дадут.P.S. Цикл Ворожея был написан в 2025 г., но ранее выкладывался на другой площадке.

© Смит Т., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Сказка 5
Пекло 12
Волхв 17
Наместник 22
Сборы 28
Бой 33
Драккар 39
Любославка 44
Летавица 50
Наказание 56
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Татьяна Смит
Ворожея: В Пекло

Сказка

Почва под ногами Светозара внезапно разверзлась, и он рухнул прямо в пламя, вырвавшееся из расщелины. Огонь тут же охватил его тело, но жара не чувствовалось, а вскоре и он пропал.

Полёт длился уже долго. Ветер свистел в его ушах, тьма окутывала всё вокруг. Упав, он приложился головой о камень, и чуть дух весь не вышибло. Встал, осмотрелся: вокруг простиралась кошмарная пустыня. Горизонт был окутан густым чёрным смогом, который клубился и извивался, будто был живым. Земля под ногами была твёрдой, горячей, как раскалённые угли. Прямо перед ним простиралось огромное озеро кипящей лавы. Огненные языки его лизали воздух, а поверхность бурлила и кипела. Небо отдавало алым, заливая всё вокруг тусклым красным светом, от чего на скалы вдали ложились жуткие тени от чёрных облаков. В воздухе отвратительно пахло серой и ещё чем-то сладковато-гнилостным.

Чернобога, что перед падением успел схватить его за голень, не было видно.

Пораненная нога нещадно ныла и кровоточила. Князь кое-как перевязал её поясом и только было собрался идти вперёд, как позади раздался шипящий, будто змеиный, голос:

— Куда собрался, князь? Нам в другую сторону…

Небольшой паучок шустро перебирал лапками по тонкой серебристой паутинке, когда в тереме раздался громкий крик:

— А я тебе говорю, неча тебе там делать! — Прошка стоял посреди горницы около раскрытого сундука и скидывал туда платья. — Сам сверзился, сам пущай и вылазит, а нам до дому собираться пора! Удумала тоже, к самому Чернобогу в пасть лезть. А ты что молчишь? — напустился он на жующую яблоко Граньку. — Скажи ей!

— А что я ей скажу? Она всё решила, — откусив очередной кусок, ответила кикимора.

— Вон дружина пущай идёт, а ей там делать неча, — в сундук полетела очередная рубаха. — И так чуть не сгинула с ним. Я против!

Дверь терема заскрипела, и дверной проём загородила высокая фигура воеводы.

— О чём спор? — Елизар чуть склонил голову, чтобы не стукнуться о притолоку, и вошёл в горницу.

— Вона, спасительница нашлась, поляницей себя учуяла. Светозара вашего спасать собралась, — домовой тут же переключился на гостя, не забыв на себя морок навести, и сейчас перед воеводой стоял дородный мужик в лаптях. — А это не ей надобно, вот ты туда и лезь, ты ж воевода княжеский! — покрытый жёсткой шёрсткой палец ткнулся в колено Елизара.

— Так куда ж я пойду-то? В Пекло? Нет туда смертному хода, — опешил он от напора Прошки. Пришёл воевода сюда совсем с другими мыслями... Хоть и был Светозар его другом, но думы о черноволосой деве не отпускали. Хотел, пока она одна, попытаться счастья, а тут такое.

— А ей, значит, есть ход? — подала голос кикимора.

— Ну она ж того, ведьма, — замялся Елизар. — Нечисть, считай.

— А что ж ты тогда к нечисти таскаешься, аль думаешь, никто не видит ничего? — Граня приблизилась.

— Та я ж так, поддержки ради, — попятился от наступающей на него бабы воевода. Ох и тётка у ведьмы, сама словно нечисть какая, сейчас на обдериху иль лихоманку так и походит, да и дядька её больше на лешака смахивает.

— А сам так и норовит за руку схватить. Вот я тебя! — она замахнулась на него рубелем, схваченным с лавки. Воевода отшатнулся, зацепился ногой за лавку да так и грохнулся на пол. Вильфрида осуждающе покачала головой.

— Что вы к человеку пристали?

— Та он вокруг тебя как кот возле сметаны кружит! — в один голос заявили домочадцы, от чего Вила перевела взгляд на Елизара.

— Правду бают?

Тот наконец встал, кивнул растрёпанной головой.

— По нраву ты мне, мочи нет как. Ежели и я приглянусь, ничем не обижу, серебром тебя… — договорить он не успел. Рубель оказался в руках ведьмы, которая тут же кинулась на него.

— Ах ты охальник! Князь его в Пекле сгинул, а он по девкам таскается, на невесту княжескую заглядывается! Путь Гостомысла повторить решил?

Под руку попался ухват, с ним было сподручнее, и вскоре воевода уже вылетел из терема, подталкиваемый в седалище рогами ухвата. Вылетел за ворота, чуть не сшиб дородную бабу, стоявшую подле забора. Та охнула и отшатнулась, уперевшись руками в плетень. Лицо её побагровело от гнева, и она замахнулась на нерадивого воеводу кулаком.

— Ах ты, окаянный! — завопила она. — Совсем ослеп, что ли? Смотреть надо, куда прёшь!

Елизар лишь фыркнул в ответ и, поправив волосы, натянул на лицо личину безразличия. Он не стал извиняться перед взбешённой женой купца Яромила и, не удостоив её даже взглядом, отправился домой.

— И не возвращайся боле! — Вильфрида захлопнула дверь и села на лавку, её руки мелко дрожали от гнева.

Ишь, жених выискался. И как она раньше его маслянистый взгляд не замечала?

Миларада спустилась по лестнице и села рядом.

— Не кручинься. Мужики они завсегда, почитай, удом думают, сущность у них таковая, — тёплая рука погладила ведьму по спине.

— Да как он может? Светозар пропал, а он… — Вила залилась слезами, закрыв лицо руками.

Вспомнилось ей, как разверзлась земля на горе, всё дымом заволокло, а потом исчез князь. Как Мара её стращала, что Светозар теперь в Пекле, во власти Чернобога. И как туда проход найти, ей неведомо.

В сказках завсегда девица к Ягине идёт, а та дорожку уже указывает. Вот только это не сказка, а Ягиней нынче она сама стала, но пути не знает. О том и сказала утешавшей её бабе. Та покачала головой.

— Ежели сила есть, то и знания тоже. Подумай ещё, может, придёт что в голову, аль в избу сходи, может, там подсказку сыщешь.

Вильфрида утерла зарёванные глаза, сменившие на горе цвет с тёмных, как жёлуди, до ярко-жёлтых, почти как у кошки, — видать, так сила проявлялась. Да и сама она внешне сильно изменилась, стала казаться старше.

— Да какая из меня Ягиня, — Вила вздохнула у утёрла слёзы рукавом. — Если я даже того, кто сердцу мил сыскать не могу?

— Что имеем, не храним, потерявши плачем, — сказала Мила и обняла девушку, хотя та Ягиня и ведьма, но всё же девка, и ей тоже свойственно пореветь. Ведьма же только всхлипывала в ответ.

— Пока он рядом был, и не смотрела на него, — Вила вновь всхлипнула. — А сейчас всё б отдала, чтоб рядом был.

Ведьма отвернулась к окну, чтобы женщина не видела её слёз.

— А я говорил, от него только беды жди, — начал опять домовой, сидя на лавке и жуя очередной пирог. Кикимора цыкнула на него и, схватив за шиворот, потащила из горницы.

— Да помолчи ты хоть, и так ей тяжко, не видишь, что ли?! — зашипела она на Прошку. — У самого сердце из камня, так хоть её не трогай.

Прошка попытался вырваться, но кикимора только сильнее прихватила ворот.

— Шла бы ты к сотнику своему, — не преминул тот уколоть Граню.

Прошка наконец вырвался и уселся на лавку в сенях, злобно поглядывая на кикимору.

— Что тебе тот сотник дался? Аль ревнуешь? — Кикимора подошла к двери и стала смотреть на улицу.

— Тебя, что ли? Нужна ты мне, — фыркнул домовой и, сложив руки на груди, отвернулся и уставился в стену.

А коль и ревнует, ей-то что за дело? Хотя он и сам не мог объяснить то чувство, что испытывал, видя, как сотник провожает до терема кикимору. А та, считай, каждый день теперь на торжки бегала, обратно возвращалась не одна.

Прошка сжал кулаки.

— Заиграешься ужо, поймёт, что ты нечисть, и всем нам тогда худо придётся, — он вновь обернулся. — Светозара-то нет, нас защитить некому.

Прошка подошёл к кикиморе.

— А я и не играю, — кикимора тоже отвернулась и стала теребить край сарафана. Прошка закатил глаза и тоже повернулся тылом.

Так и стояли спинами друг к другу, покуда в избу не вошёл Тишка, они с его учителем на улице что-то мастерили.

— Что тут опять? — упырь почесал лысую голову.

— Вилька, вона, по князю ревёт, — буркнул домовой, вновь усевшийся на лавку и свесив ноги.

— Торяшка тоже скучает, — Тишка бросил взгляд на печь, где лежал поникший коловерша, уткнувшийся носом в лапу.

— Он вообще должен Виле помогать, а не по князю чахнуть, — Прошку вновь охватил гнев. — Разлёгся он, нет чтоб чего придумать.

Упырь покачал головой, с домовым спорить — что воду в ступе толочь, и пошёл в свою клеть, почёсывая затылок.

Миларада тем временем накормила ведьму и теперь сидела у окна, вышивая пояс с замысловатым узором, а уставшая от переживаний Вильфрида задремала, прилёгши на лавку,

подложив под голову свёрнутый платок. Рядом с матерью села Красимила и принялась перебирать в руках разноцветные нитки.

— Так и не придумала, как ей в Пекло попасть?

Из-за печи донёсся ворчливый голос домового:

— И эта туда же! Сгубить девку решили? Какое Пекло? Нет туда живому хода, а она хоть и ведьма, но живая, ежели вы запамятовали.

Красимила, не обращая внимания на ворчание домового, продолжила:

— А помнишь сказку, кормилица рассказывала, как один князь в Пекло прошёл, чтобы ладу свою спасти? На горе подле Камен Града провал имелся, он через него и попал туда. Вот только как ей сыскать озеро Белокурово?

— То только Горюч-камень знает, — мать отложила вышивание, уколов иголкой палец. — Но его сыскать тоже сложно, как попасть ей на Буян, под Мировым древом сыскать камень бел горюч, Аспида усмирить и птицу Сирин, что камень хранят. Да и есть ли тот остров?

Красимила задумалась и начала читать слова сказки, теребя в руках кисти кушака:

— Как на острове Буяне,
Посреди моря-окияна,
Дуб растёт могуч и крепок,
И качается средь веток
Чуда полный сундучок.
Его Аспид стережёт.
Под ветвями камень блещет,
Полон камень тайны вещей.
Если птицу ты обманешь,
Тайны мира ты достанешь.
Алатырь проход откроет,
Ничего тогда не скроет.
В Ирий вверх ведёт тропа,
К Пеклу тёмная нора.

Миларада подхватила, опустив взятую было вышивку:

— Там внизу огонь и темень,
Там висит и тихо дремлет
Сын великого царя,
Рядом с ним лежит змея.
Не буди, пройди ты тихо,
А не то прибудет лихо,
Бесы вмиг на шум сбегут
И на части разорвут.
Нет живой душе там места,
Но тебя там ждёт невеста.

Улыбнувшись, мать вновь принялась за шитьё.

— А у нас невеста пойдёт сокола своего спасать.

От огорчения и злости снова есть захотелось. Выбравшись в горницу, Прошка отправился на кухню, где в одиночестве хлопотала одна из девок, купленных, хазарка Серах. Серька, как звали её домашние.

Та как раз месила тесто и лепила пироги. Несколько уже румяных, пышущих жаром, лежали на деревянном блюде, вырезанном самим Тишкой. Его украшала красивая тонкой работы резьба (как только лапищами своими смог?), по полю скакали индрик-звери, среди листвы виднелись цветы, а на самом блюде красовалось мировое Древо с раскидистыми вет-

вями. Домовой аж сплюнул, но тут же получил подзатыльник от Милорады, и как только подкралась.

— Удумал в дому плеваться!

Он злобно зыркнул, но промолчал. За эти дни Мила, считай, хозяйкой стала, Вила её защищала, а та и рада, волю почуяла. Усевшись на лавку, Прошка вновь уставился на блюдо, украшенное резьбой.

— Красивое, — проворчал он, выглядывая, какой пирог ему сцапать.

— Тишка неделю резал, — ключница села рядом и ухватила пирог, тот самый, на который нацелился и домовой.

Его аж перекосило от злости, мало того, что дерётся, так ещё и самый большой и румяный пирог схватила. Та будто и не заметила, сидит жуёт. Рассуждает о том, как Виле попасть на остров, через море переплыть. То говорит, ей надобно искать вход в мир чудный, был вот раньше в Великом лесу, а теперь нет. А где другие проходы, кто ж его знает.

Прошке-то слушать надоело, на улицу пошёл, накинул на себя морок. Со двора вышел, лето уже, считай, вступило в свои права, сдержал Карачун слово, увёл зиму прочь. Отмахнулся от летающей вокруг мошкары и распахнул ворота, вышел на улицу. Смотрит, стоят три бабы, судачат о чём-то. Ближе подошёл, а они Елизара обсуждают. Зачастил, мол, к невесте князевой.

«Тьфу, и эти туда же! Невеста, невеста, заладили, как сороки!».

— Ишь, раскудахтались, — проворчал Прошка. — Сплетницы!

Бабы обернулись, ойкнули и бросились врассыпную. Боятся дядьки, то и правильно. На дворе заметил банника, тот волок куда-то новый веник. Вернулся обратно и пошёл за тем. Рассказал ему, чего бабы удумали, Вильку да в Пекло.

Банник сел на лавку у бани, закинул ногу на ногу, веником прикрылся.

— А кому, окромя неё, идти туда? Другие дороги точно не сыщут.

Прошка чуть в бороду ему не вцепился. И этот тоже сдурел. А тот будто не видит, сидит дальше болтает:

— А так спасёт князя, княгиней станет, баню большую построят… — он мечтательно закатил глаза.

Вильфриду разбудили крики со двора. Выскочив, увидела, как домовой, вцепившись в бороду банника, катается по земле и того за собой таскает.

— Баню ему побольше… Дух вытряхну из тебя, никакая не понадобится!

Насилу их расцепила. Прошка потёр скулу и, нахмурившись, отправился в избу. Банник сел обратно на лавку, потирая наливающийся под глазом синяк.

— А чего он? — буркнул в ответ на взгляд ведьмы. — Я всего-то сказал, что баня большая будет, коль ты княгиней станешь.

Вила только руками всплеснула. Тут князь пропал, а они про баню. Махнула рукой да в избу идти хотела, но остановилась.

— И что сподобило вас драку устроить? — обратилась она к баннику.

— Да то Прошка всё! — пожаловался тот. — Сказал, мол, бабы удумали тебя в Пекло отправить, князя спасать. А я и ляпнул, что как спасёшь — княгиней станешь, баню тебе большую построят.

— Ну, допустим, не бабы, а сама, и что? — удивилась Вила. — Как древлян без князя оставить? — про свои чувства смолчала, сама не знала, как всё обернётся.

— А он против того! — всплеснул руками банник.

— Да уж, — усмехнулась девушка. — Прошка у нас крут нравом, ему слова поперёк не скажи, но я не лыком шитая.

— Крут, — согласился банник, потирая ушибленное место.

Ведьма хмыкнула:

— Ладно, ступай, парилка тебя ждёт. Натопи пожарче, хочу всё плохое смыть.

Банник кивнул и скрылся в бане. Вила ещё немного постояла на крыльце, вдыхая свежий воздух, а потом тоже пошла в избу.

— Прошка! — крикнула она. — А ну, иди сюда!

— Чего тебе? — отозвался тот из горницы.

— Будешь ещё на банника нападать, уши надеру! — пригрозила она.

— Да ладно тебе, — проворчал домовой. — Чего он ляпает-то?

— А ты его не слушай, — посоветовала ведьма. — И вообще, меньше болтай, больше делом занимайся.

— Ладно, ладно, — буркнул Прошка. — Пойду уж. А ты чего? — он обернулся на пороге.

— А того! Думать стану. Неча землям без князя быть, а окромя меня туда и правда никто попасть не сможет.

Домовой махнул на неё рукой — что с ней спорить, если что в башку втемяшила, не переспорить. Тут хитростью какой надо, что ли. Но какой — пока не придумал.

А тут ещё и Фёкла прицепилась, мол, анчутки по двору ночью хулиганят, дескать, куда смотришь, защитничек.

«У-у-у, проклятые бабы, никакого покоя».

Пришлось собираться да во двор опять идти. Анчутки — существа зловредные, ежели завелись, так покоя никому не будет.

И взаправду, за овином увидел мелких бесенят, небольшого росточку, не больше вершка, покрытых чёрной шерсткой везде, окромя башки, лицом походящих на утку. Они старательно растаскивали сено, заготовленное для козы.

Пришлось солью в них кинуть, от чего те со злобным визгом рассыпались в стороны и исчезли. Вздохнув, пошёл творить по плетню знаки охранные. Надо было сразу, а теперь выгоняй вот.

— Опять с кем сцепился? — спросила ведьма, вышедшая на крыльцо.

— Чуть что — сцепился, — буркнул Прошка. — Анчуток завелось, пришлось выгонять вот.

— А ты говоришь, я пустое дело затеяла, — хмыкнула Вила. — Стоило князю пропасть, нечисть расшалилась.

— Будто он бы помог, — заворчал домовой. — Чай, не ведун.

— Но сила рода имеется, — вздохнула ведьма. — А вот анчутки редко сами приходят, обычно ежели позовут.

— Позовут?

— Ну да, — кивнула Вилька. — Они же существа нечистые, их ведьмы да ведуны вызывают, чтобы они пакости творили обидчикам, аль бабы обиженные могут.

— Это кто ж осмелился? — задумался Прошка. — Так это ж надо быть совсем дурной, чтобы с нечистью связываться.

— А некоторые и есть дурные, — пожала плечами девушка. — Совсем глупые. Думают, что нечисть им поможет, а потом сами же от неё и страдают.

— А ты-то откуда знаешь? — спросил домовой.

— Так я же ведьма, теперь даже настоящая, — усмехнулась Вила. — Много чего знаю.

— Ну да, — кивнул Прошка. — Запамятовал совсем.

— Ладно, пойду я. А ты тут доделывай, что начал.

Домовой принялся дорисовывать охранные знаки на плетне, думая о том, кто ж им эту пакость подкинул.

А Вильфрида отправилась в избу, нужно было найти ответ, как попасть в Пекло.

Пекло

Резкий, рассёкший кожу удар привёл Светозара в чувство, вырвав из груди протяжный, хриплый крик. Он с трудом разлепил опухшие глаза, голова гудела, так будто её засунули в рынду и дали по ней кузнечным молотом. Пересохшие губы слиплись от запёкшейся на них крови, её вкус и сейчас чувствовался во рту. Провёл языком по зубам — кажется, все целы. В груди гулко стучало сердце, отдавая в виски. Все члены ломило от боли, и даже вдохнуть было тяжко. От каждого вдоха темнело в глазах.

Попытался поднять голову и осмотреться. Кажется, он на чём-то висит. Запястья были туго стянуты и уже почти не ощущались. Красное марево перед глазами наконец почти пропало, и он смог разглядеть чёрную, покрытую трещинами землю под собой, чёрный дым и алое небо. Новый удар заставил его выгнуться. Князь сжал зубы, сдерживая рвущийся крик, по спине потекла горячая кровь. Через три удара он вновь лишился чувств.

Очнулся Светозар от того, что в лицо плеснули холодной, воняющей болотом водой. В глазах двоилось, всё расплывалось и ужасно мутило. Исторгнул из себя остатки пищи и воды, полегчало. Наконец удалось рассмотреть серое пятно внизу. И увиденное князя совсем не порадовало.

Перед ним стоял самой мерзкой наружности бес, такой, что и представить нельзя.

Его тело было безобразно, будто слеплено из глины. Кожа его была серой и сморщенной, как у стариков. Под набрякшими обвисшими веками светились красным глаза. Длинные когтистые руки с тонкими кривыми пальцами кончались когтями, как у хищных птиц. Короткие и кривые ноги с острыми когтями царапали землю. А от дыхания несло смрадом и серой. Голова его была лысой, с глубоко посаженными глазами и выступающими надбровными дугами. В когтистой лапе был крепко зажат кнут, тонкий с семью хвостами и острыми крюками на конце каждого. Видать, им его и охаживали.

Бес презрительно осмотрел князя и скривился, переведя взгляд на пятно внизу. Хотя вонял он гораздо хуже того, что вышло из Светозара. Ткнул его кнутом под рёбра, от чего из груди князя вырвался стон, и наконец заговорил:

— Не сдох, а я думал, забьют тебя. Еле успел, а то б лишились такой души, — хриплый, каркающий голос резал слух. Он цокнул языком, осматривая Светозара, и продолжил: — Ну ничего, сейчас раны подзаживут, и отправишься на Смоляное озеро.

Бес взмахнул рукой, над головой князя захлопали крылья, и путы с рук опали, от чего он рухнул на землю. Искалеченная спина тут же огнём зашлась, и Светозар вновь чувств лишился. В себя его привели уже испытанным способом, плеснув водой. Вода, попав на раны, заставила его зашипеть от нестерпимой боли, пронзившей всё его измученное тело.

Бес, мучитель князя, скривился от отвращения и попытался схватить его за руку, но тут же отдёрнул опалённую лапу. Он сплюнул с презрением:

— Спасла тебя рубаха твоя! Даже коснуться её никак, сразу жжётся. Хорошие руки, любящие вышивали. Давно такого не видел, — его мучитель сделал знак, и чьи-то когтистые лапы схватили Светозара за волосы и поволокли за собой, от чего он вновь застонал. Израненная спина пересчитывала каждый камушек, каждую трещину в чёрной земле, больно впиваясь в окровавленную плоть.

— Ничего! Сейчас в клети очухаешься и работать пойдёшь. Будешь знать, как богу вызов бросать, — довольно хохотнул бес за спиной, глядя на мучения князя. Его глаза засветились злорадством, а рот растянулся в кривой усмешке.

Светозар сплюнул набравшуюся в рот кровь и пыль. Как смог, поднял голову.

— Подлостью он меня сюда уволок, нет в том чести, — слова давались с трудом, измученное жарой и жаждой горло словно драли когтями.

— Поговори мне тут! — рукоять хлыста больно ткнулась под рёбра. — Смотрю, мало тебя отходили, коль скалить зубы силы есть. Ну ничего, выбью ещё спесь из тебя! — пообещал серый, как звал его в своей голове князь.

Ничего Светозар не ответил, лишь зубы покрепче сжал. Нечего им на потеху стонать. Сил наберётся тогда и покажет им, где анчутки живут, пусть пока потешаются. А пока нужно осмотреться да понять, как отсюда выбираться, а то ничего, окромя черноты, озера огненного да красного неба, почитай и не видал. Этим он и занялся, пока его тащили.

Смог разглядеть змей с железными телами, что ползали вдоль трещин с горящей пламенем водой, привычную уже чёрную землю и небо алое. Казалось, что то и не небо вовсе. Свисали с него коренья, шевелились, будто щупала диковинного зверя, о котором рассказывала ему нянька. Среди них тут и там виднелись чёрные как смоль то ли тела, то ли души, их рты раскрылись в безмолвном крике, а лица искажали гримасы мучений.

Не самое радужное место – Пекло. Обычно сюда попадали души тех, кто служил чёрным богам или жил жизнью подлой. В голове князя промелькнула мысль, что где-то здесь и Гостомыслова душа мается.

Светозар стиснул зубы и отвернулся, неча о том сейчас думать, нужно самому выбираться, а наместник сам свой путь избрал, никто волоком не тащил, чай. Вскоре вокруг них лишь камни чёрные стеной встали, земля тоже твёрже казалась. И вот его зашвырнули в каменный мешок с небольшим оконцем на двери, откуда едва красный свет проникал. Видать, в темницу обещанную притащили, подумал князь и растянулся на холодном полу. От его прохлады даже легче стало.

Он закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. Но мысли путались, а тело ныло от боли и усталости. Сколько он так пролежал, погрузившись в забытье, и сам точно не знал. Очнулся от того, что кто-то осторожно тронул его за плечо.

Перед Светозаром стоял невысокого роста дедок. Его некогда белая, а теперь грязная да рваная рубаха была свободной и ничем не подпоясана. Из-под неё торчали драные порты. На худых ногах у деда болтались кожаные поршни, а на голове — войлочная шапка, тоже уже вся замызганная. Лицо его было морщинистым, с густыми белыми усами и бородой. Маленькие глаза светились хитринкой и грустью. На переносице залегли глубокие морщины, а уголки губ были опущены в легкой усмешке. Руки узловатые и жилистые, с выступающими венами, были натруженными, а одна вовсе чёрная. Кожа была слегка шершавой, в трещинах, и когда он касался плеча князя, то царапалась.

— Живой, — прохрипел Светозар.

— На-ка, попей, — дед протянул ему кожаный бурдюк.

Сделав несколько глотков, князь поблагодарил дедка.

— Совсем измучили? — участливо поинтересовался тот.

Светозар кивнул и вновь отпил тепловатой воды. Говорить было сложно.

— Энти могуть. И за что ж тебя? Живым-то? — дед присел на каменную лавку у стены и опёрся ладонями о колени. — Обычно-то опосля крады сюда попадают. Меня, кстати, Первак кличут.

Князь тоже перебрался к нему, постанывая от боли, и начал рассказ. Первак лишь изредка кивал, не перебивая и внимательно слушая о том, из-за чего тут его сосед оказался.

— Ох и натерпелся же ты, — высказался дед, когда Светозар закончил. — Выбираться тебе надобно, только как вот?

Он задумался, теребя свой ус. Князь тоже замолчал, понимая, что Первак прав, выходить надо, но как — он не знал. Попросив рассказать, как сам дед тут очутился, Светозар услышал:

— Я, милок, сам из радимичей, долгую жизнь прожил. Девку ладную сыскал себе в соседней деревне, дом поставили с ней, детей народили, славные сыны у нас были, да и дочки умницы. А к закату жизни болеть стала моя милая лада, сильно болеть. И придумал я тогда, —

он вздохнул, — у Мары ей несколько годочков выпросить. Взамен она душу мою запросила. Но мне без любы моей свет не мил был, я и согласился. А как помер, так тут и очутился. Служу теперь Чернобогу, терем ему строим с такими же горемыками. А как посветлеет наш дух, так и отправимся в Ирий, чтобы, значиться, обратно на земельку свою вернуться могли. Мне-то уже недолго осталось, — он помахал чёрной ладонью. — Я тут почитай годов сто уже, только рука и осталась, как посветлеет, так отправлюсь к ладе моей, может, встречу её ещё в Ирии, а были обе. А вот те, кто зло творили, тем долго тут маяться. А таких, как ты, отродясь тута не видали, даже не знаю, как и быть, — закончил дед свой рассказ.

Князь слушал, не перебивая, значит, по разным причинам сюда люди попадают, всё как кормилица ему говорила. Ну, с этим понятно. А вот как тут всё обустроено? Попросил и о том рассказать.

Первак отпил воды тоже и вновь принялся говорить. Оказалось, что души, попавшие в Пекло, обычно имели тело, то самое, которое было у них перед смертью. Лишь самые чёрные да подлые из них сюда попадали бестелесно, их-то и видал Светозар средь кореньев. Их мучения питали силу Чернобога, оттого и висели они там, сжимаемые корнями, да жгло их жаром свода, небесным его тут никто не называл. Не было тут неба, лишь огненный горячий свод да тучи из дыма, гонимые ветром, а тот откуда брался, того никто не ведал.

А те, кто имели хотя бы одно светлое пятнышко, имели шанс на то, чтобы в Ирий попасть, но для этого нужно было много работать: таскать из Смоляного озера смолу к терему, что строили бесы для своего владыки. А ежели сможешь тут доброе дело сделать, тогда ещё часть духа светлеет и ближе становится миг, когда сможешь заново на земле народиться.

Иногда и сам Чернобог на работу посмотреть приходил. Но чаще лишь его главный служка Волох ходил вдоль вереницы душ да хлыстом тех подгонял. Значит, Волохом кличут того, кто его мучил, отметил про себя князь.

Дед продолжил говорить. Рассказал, что Волох сам из душ, больно черна та у него была, да и нравилось ему людей мучить ещё при жизни, так и выбился в главного беса, не захотел обратно на землю идти. И об этом Светозар запомнил: значит, из людей тоже бесы выходят, такого он не знал.

Рассказал Первак ему, что ранее Волоха Радмиром Лютым звали, был он разбойником, что на трактах путников обирал, ни одного живым его пособнички не оставляли. А сам Лютый особо озоровал, за что и получил прозвание своё. Живьём с людей шкуру сдирал, на их же кишках вешал. Нравилось ему за мучениями людскими смотреть. А тут, значит, продолжил дело своё чёрное. Заметил Чернобог его нутро гнилое и предложил ему стать над душами с кнутом вместо того, чтобы средь кореньев висеть, а тому и в радость.

Спросил Светозар деда, что он-то ещё тут, черноты-то всего ничего, у того вон рука одна.

— Сложно тут дела добрые творить, — пояснил тот. — Тут больше тех, кто за деяния свои пришёл, а они помощи не ждут и сами не окажут. Ну, как отлежишься, сам поймёшь, — заключил дед.

В окно просунулась перепончатая лапа, и на пол упали два куска хлеба, головка сыра и кусок обугленного мяса. Князь мясо подвинул старику, он молодой, а тому нужнее силы. Но дед честно поделил еду. Мол, нечего его жалеть, хоть и стар, но ещё крепок. А вот раненому князю силы нужны.

Хлеб оказался кислым, плохо пропечённым, прилипал к зубам. Сыр был чуть лучше, но тоже отвратный, а мясо так и вовсе сверху сгорело почти в уголь, а внутри было почти сырым. Никто не заботился о том, чем кормить души в Пекле.

Еда для душ тоже Светозара удивила, не думал он, что им нужно питаться, но и это дедок пояснил. Мол, а как же? Не телом единым жив человек, тут скорее наоборот.

— Духу тоже пища требуется. Для того и на Велик день ложки на столе да кашу оставляют, пироги в окно мечут в поминальные дни, за стол зовут. А на тризну так и вовсе быка могут забить аль козла. То всё, чтоб душа тоже могла питаться, — сказал старик.

Понял князь, что многое для него дивно, вроде бы и сам-то делал, а зачем, даже и не думал особо ранее.

— А богам тоже пища требуется? — спросил он Первака.

— Боги они больше кровь любят, — откусив кусок сыра, пробурчал тот. — Особливо тёмные, да мучения людские. Светлые ж и нашей пищи не гнушаются. Любят, когда им дар приносят, жертву. За то могут и благодатью какой ответить. Но тёмные откликаются охотнее, им за помощь душу отдаёшь, а то им важно, чтобы, значится, мучениями питаться. Людские страдания тоже хорошо, но душа, когда мается, то им втройне радостнее.

Расспросил его Светозар и про змей, им виденных. Дед сказал, что то тоже бесы, следят, чтоб души не разбредались. Поведал ему и о том, что иногда сюда сыны Чернобога наведываются. Чаще всех Аспид, про этого змия князь знал из рассказов няньки. Крылатый тот змей ратью Пекла управлял да охранял Мировое Древо, был силён и хитёр. Второй сын Чернобога — трёхголовый змей Горын. Каждая его голова имеет своё значение: левая — Явь, правая — Навь, а средняя — Правь. Горын унаследовал от отца всё самое подлое и чёрное, но давно не появлялся в Пекле. Ходили слухи, что он затаился где-то на Руси, собирая силы для новых злодеяний своих во славу отца. Раньше-то он то деревни жёг да городища, то девок таскал.

Был у Чернобога ещё и внук — Кощей, известный своим пристрастием к похищению красавиц. Рождённый от смертной женщины и третьего сына Вия, он сам обрёл бессмертие, что вызвало гнев его отца. Чернобог изгнал Кощея из Пекла, а Мара заточила его в темницу.

Светозар поведал Перваку о встрече его суженой с Кощеем. Старик выслушал рассказ, покачал головой и сказал:

— Тяжёлое испытание выпало на долю твоей возлюбленной. Кощей — сущь коварная и злая, коль задумал что, не отступится. Но и ты, вижу, не лыком шит, княже. Я верю, что ты найдёшь способ уберечь свою наречённую.

Сам Вий в Пекле жил, вид он имел самый безобразный. Массивный, толстый, такой, что ходить не мог сам, висел он у входа в Пекло в люльке из корней. Глаза его были закрыты тяжёлыми веками, которые он мог поднять лишь по приказу Чернобога. Взгляд его был смертелен для любого живого существа.

Когда-то Вий был могущественным колдуном, но за неповиновение и желание стать Богом был наказан отцом и сослан в Пекло. Здесь он стал служить тому, используя свой смертельный взгляд для наказания провинившихся душ. А его три сына — Горыня, Дубыня и Усыня — стали хранить покой отца и деда. Эти богатыри сильны были, но собой безобразны, почти как отец. Рождены они были, как и Кощей, от бабы, но не простой, ведуньей она была сильной, первой Ягиней стала после того, как Вий её обрюхатил. Ежели б не Чернобог, то захватили б они и Ирий, и Пекло, лишь он над ними всеми власть имел.

Долго ещё Первак рассказывал о Пекле, о его обитателях и порядках. Но рассказы — одно, заметил он, как на работу потащат, так и сам князь всё увидит да поймёт. А пока надобно им спать ложиться, утром деду смолу опять таскать. А князю дадут пару дней, и тоже погонят. На том и порешили, что будут ложиться.

Каменные скамьи больно впивались в израненную спину, но другого места не было, а потом пришлось ложиться. С трудом устроившись, закинул Светозар руки за голову и закрыл глаза, но сон никак к нему не шёл. Он лежал, глядя в тёмный потолок, и думал. О том, как там сейчас его ладушка, как земли его, сдержал ли слово Карачун, ушла ли зима, как выживать людям, считай, без припасов?

Надеялся, что Елизар да Беловид с Вильфридой позаботятся о людях, не дадут сгинуть племени древлянскому, покуда он выход отсюда сыщет да вернётся. Коловершу вспомнил,

небось, опять ушастый по нему тоскует, сам князь тоже грустил без похожего на зайца дружка. Хоть и нечисть, а в душу запал он ему. Думал над тем, что у деда после помощи ему рука светлее чуть стала, а значит, скоро сможет тот к жене своей в Ирий попасть, и дадут чуры, и в новой жизни встретиться сумеют. Вот бы ему такую любовь с Вилой. Но ведьма его отталкивает, не хочет ответить на зов его сердца. От того на душе стало смурно да темно, казалось, что и вокруг всё потускнело, краски утратило. С тем и уснул.

Волхв

Красимила разглядывала тонкую, почти невесомую паутину под потолком, надо же такую дивную красоту сплесть, а главное — не порвать, даже муха вон справиться не может, бьётся в сети, никак не выпутается. Хозяина этого дива видно не было, видать, от снова разошедшегося домового спрятался. Тот сызнова на весь терем раскричался. Давеча они с матерью ведьме про сказку рассказали, как оказалось, Вильфрида тоже её знала и даже продолжила, в голове девушки всплыли слова:

— Бесы вмиг на шум сбегут
И на части разорвут.
Нет живой душе там места,
Но тебя там ждёт невеста.
Коль ты путь осилить сможешь,
Головы своей не сложишь.
Попадёшь в чертог полночный
И замок сломаешь прочный,
То победа за тобой,
Поспеши ужо, не стой.

Как там было дальше, ни одна из них не помнила, но главное знали: попасть в Пекло можно, сыскать бы остров Буян. Но вот где он? Того никто из них не ведал. И вот наутро решили домового расспросить, вдруг ему что знамо, а тот опять в крик. Час уже, почитай, орёт и никак не умолкнет, скоро уши от него лопнут.

— Не пущу! — орал красный от натуги Прошка. — Этим-то, ясное дело, никакой печали не станет, ежели ты сгинешь, — ойкнул, получив веником по голове от Миларады.

— Это мне-то печали никакой? — напустилась на него женщина. — Она мне как дочка уже стала. Живу в тереме, как и ране, а могла в клети чернавкой. И ты смеешь такое говорить?

Домовой не отставал:

— А вот и смею! То-то и оно, тебя прислали служить ей. А ты что? Хвост тут распушила, будто тетерев на току! Хозяйкой себя возомнила. А теперь Вильку сгубить удумала. Чтобы, значится, всё себе прибрать под подол, вона какой широкий!

— А ты на мой подол не гляди, а под него тем более, — Мила вновь принялась охаживать Прошку веником. — Ишь чего удумал, под подол мой полез.

Из-за угла выскочила Гранька и, прихватив ухват, тоже напустилась на домового.

— Эвон оно как, значит, под её подол так он смотрит, а как я…

— Да хоть ты отстань, окаянная! — схватился тот за голову.

«Никакого сладу нет с этими бабами. Хоть из дому беги от них».

Вила сидела на лавке и молчала. Она уже устала спорить с Прошкой, помогать не хочет, только кричит.

А драка тем временем только разгоралась.

— Нет, вы поглядите на него! — кричала кикимора. — Я к нему, значится, со всем уважением, а он к бабам под юбку шмыгать удумал!

— Да под какую юбку, что ты несёшь, оглашенная?! К кому я шмыгаю? Сама-то вона с сотником под ручку ходит, — Прошка тут же в лицах изобразил, как ходит Гранька, за что был больно ткнут ухватом под седалище.

— Да-да, — подлила маслица в огонь Миларада. — Так и норовит мне под подол заглянуть.

В избу на крик заглянул банник.

— А мне и под подол шмыгать не надо, я и так всё видал, — начал было тот, но тут же захлопнул дверь, в которую прилетел метко брошенный бабой веник.

— Бесстыдница! Всё напоказ, значится, — ехидно буркнул домовой.

— А ты мне в бане что ж в юбке мыться прикажешь? Сами, значит, глядят, а я бесстыдница, ох я тебе! — Мила подхватила веник и бросилась за Прошкой. Тот тут же шмыгнул за печь и продолжил уже оттуда:

— А я того не знаю, как бабам надобно мыться, но вона банник-то всё видал, ещё и пощупать дала небось…

Веник просунулся в щель между стеной и печью и больно ткнулся прямо в его лицо.

— Нет, ну вы поглядите, — заголосил он, — в своём дому убить пытаются…

— Нету туточки твоего дому, — в горнице появилась Фёкла. — Ишь чего бает, мой то дом, ясно тебе!

— Да чтоб тебя бесы унесли! Тебя мне не хватало, — Прошка забился в угол, подальше от веника.

Этой ещё ему не хватало, тоже вечно лезет. А всё князь, не мог терем без домовихи им сыскать. И как прикажете ему быть? Кругом одно бабье да банник с упырём и коловершей, ни одного приличного мужика в дому не сыщешь, овинник и тот сторону баб взял.

Вильфриде это наконец надоело, и она поднялась.

— А ну нишкните! — любимая присказка бабки Ясини сама собой сорвалась с губ. — Устроили тут! Там, значит, Светозар где-то погибает, а они тут ругань творят. Нет чтобы подумать, как мы его выручать станем.

— А мне оно не надобно, выручать его. Я, между прочим, его в Пекло не тащил, сам сверзился, — вылезать из-за печи домовой не спешил, а потому вещал оттуда.

— А тебе никогда ничего не надо, — заметила кикимора, обмахиваясь хвостиком, жара стояла ужасная.

— Ему б токма жрать, — поддакнула Фёкла. — Мы с Краськой вчерась пирогов напекли, так он половину один сожрал.

— А вам, значится, пирога жалко?! Помри, значится, Прошенька с голоду, а им только в радость станет.

— Да угомонитесь вы! — повысила голос ведьма. — Голова от вас болит ужо. Думать мне мешаете, как я, по-вашему, в таком галдеже придумать что-то могу?!

Но её никто не услышал. Фёкла с кикиморой продолжали свои нападки на домового, Миларада им в том помогала, пытаясь попутно его веником из-за печи вытащить. Красимила носу из кухни не казала, а Тишка так и вовсе, как обычно, пропадал на дворе, снова что-то строгая вместе со своим наставником, которого тому Светозар сыскал, а коловерша зевал на печи и, казалось, был совсем безучастен ко всему этому гвалту.

Вила взяла палку, стоящую у двери, и громко стукнула ей об пол.

— А ну тихо!

В этот момент дверь распахнулась, Мила, решив, что это опять банник, ловко метнула туда веник.

— Ох и шумно у вас, от самого дома купца Драгославца... — начал было Беловид, открывая дверь и тут же получив веником прямо по покрытой бараньей шапкой голове.

— Ой, — пискнула Миларада, увидев, в кого прилетел брошенный ей голик, и тут же спряталась за кикимору, что стояла, уперев руки в боки и грозно вещая:

— Кого там опять принесло?! — в дому она обличие бабы снимала лишь спать ложась, а потому перед волхвом стояла худощавая женщина с грозно сведёнными бровями, похлопывающая себя по ладони скалкой.

Беловид от такого приветствия ажно дар речи потерял и назад, как рак из дверей, попятился.

— Я, наверное, попозже зайду, коли оно тут вона как…

— Кто там? — раздался из горницы голос Вильфриды.

— Да то волхва бесы принесли зачем-то, — брякнула Гранька.

Тот аж икнул.

— Чур тебя! Ты чего такое городишь, матушка? — забормотал он, делая охранный знак.

— Дело говорю. Добрые люди в такую жару дома сидят, а не шапку на лоб нацепивши по чужим теремам шастают, — ответила та. — Проходи, коль явился, — она сделала приглашающий жест рукой. — Ну чего стоишь? — окликнула она опешившего Беловида.

Волхв, опасливо косясь на бабу перед ним, бочком прошёл вдоль стеночки в горницу, где на лавке, обмахиваясь берестиной, сидела ведьма.

— Доброго здоровьица, Вильфрида, — степенно поздоровался он, стягивая со вспотевшей головы шапку и утирая той лицо, по которому текли крупные капли пота. — Ох и жара стоит, — посетовал он, присаживаясь напротив неё.

Вила усмехнулась, глядя на него:

— Вижу, жара не только снаружи, но и внутри тебя бушует, волхв. Иначе с чего бы тебе в гости пожаловать в такое пекло?

— Да вот неспокойно что-то у меня на душе, — признался Беловид. — Светозар неизвестно где сгинул, ну, точнее, известно, но оттого ещё тревожнее, как его вызволять — непонятно.

— А ежели я знаю? — спросила Вильфрида, прищурившись. — Готов помочь в том мне?

— Ежели правда, что ведаешь, всем помогу, — горячо заверил её волхв. — За тем вот и пришёл к тебе, спасать князя надобно.

Вила задумалась на мгновение, а затем произнесла:

— Хорошо, Беловид. Расскажу тебе, чего я узнать и придумать смогла, а ты чего не знаю — поможешь узнать аль сам расскажешь. Как тебе такой уговор?

Беловид кивнул, соглашаясь.

— Но наперва расскажи мне, чего такого с воеводой сталося? — спросил он.

Ведьма налила им холодного квасу, принесённого половчанкой, и начала рассказ о том, как вздумалось Елизару пытать к ней придти да корень свой удов пристроить возжелать. Горяч, молод, не может ярилину силу сдерживать, оттого, видимо, и головой совсем не думает. Расспросила и волхва, откуда тот всё знает.

Оказалось, Беловид столкнулся с воеводой, когда тот от разъярённой ведьмы сбежал. Разгорячённый мужчина чуть не сбил его с ног, на вопрос, куда спешит и что случилось, буркнул что-то и в сторону дома поспешил. А потом, по словам баб на торжках, долго с женой ругался, та кричала, горшки, судя по звукам, колотила. А Пересвета, жена кузнеца Милослава, слыхала, мол, обвиняла та воеводу, что он себе новую утеху сыскал. Кричала, что небось его приворожили.

И ранее ни для кого секретом не было, что ходок он по девкам, но обычно своих сенных таскал аль с деревенскими, что и сами не против с таким-то ухажёром за баню аль на сеновал сходить. Но чтобы на невесту самого князя позариться, видать, совсем жара ему в голову ударила, заключил мужчина, вновь утирая пот, — вона как жарит-то, нагоняет за месяцы зимы.

За печкой завозился домовой, волхв глянул туда.

— Мыши что ль завелись? — он перевёл взгляд на коловершу, что лежал в облике кота.

— Да нет, то Прошка, ещё один мой кот, — объяснила шум Вилька.

Ведьма кивнула, жара и правда стояла уже неделю, но коль и ране за воеводой замечали тягу к утехам ярилиным, то не солнце в том виновато, а голова его дурная. Но то сейчас не главное. Ей бы дорогу сыскать на остров Буян, о том и спросила, а вдруг Беловид что знает.

Тот задумался, не знал он, где остров чудный лежит. Сидел, бороду оглаживая, думал. И наконец стукнул ладонью по столу, да так, что аж чары с квасом подпрыгнули.

— У данов сказание имеется, — заговорил он. — Про остров, что Руяном они зовут, больно на наш Буян похоже. Но даны точно знают, где он. Скрыт он, по их сказам, в тумане моря, которое Варяжским зовется, средь неприступных скал лежит он. Тебе б, милая, с Курсой-охотником поговорить, долго он с данами ходил по морям.

— А что ж перестал? — спросила Вила.

— Того не знаю. Пришли они как-то к нам в Киев тогда, — начал говорить волхв. — Да так он тут и остался. Дозволения у отца Светозара испросил дом поставить, да и живёт. Сам он из чудинов, но многое о данах знает, может, что расскажет. Сходи к нему.

Вильфрида кивнула, а чего не сходить-то? Тем более она никогда раньше чудинов не видела, интересно глянуть же. Решила, что откладывать не станет, вечером и пойдёт, как духота спадёт.

Она ещё немного поговорила с Беловидом, проводила его до дверей и села за стол, задумчиво катая по нему горошину пальцем.

— Прошка?

— Чего тебе? — домовой наконец вылез из-за печки.

— Пойдёшь со мной до чудина?

Тот отрицательно покачал головой, надобно знаки охранные проверить, а то опять анчуток набежит. Посоветовал с собой банника взять, тот вон в лист обернётся, а ежели что, найдёт, как помочь. На том и порешили.

Вечером она позвала банника и отправилась с ним на окраину городища, где жил Курса. Идя по улицам, где бродил праздный люд, тоже вышли воздухом прохладным подышать, замечала на себе любопытные взгляды, шепотки за спиной. Но то и понятно, всем интересно на невесту княжескую посмотреть, а тут ещё и с воеводой такая оказия приключилась. Народ потому она не осуждала, немного в городище новостей, вот и судачат, о чём есть.

Банник, притворившись веточкой, будто случайно зацепившейся за юбку, висел на той, готовый в любой момент вцепиться в волосы обидчикам, но таковых пока не наблюдалось. А потому ехал тихо-смирно, глядел вокруг себя глазом-сучком, подмечал всё, мало ли что, место для них пока чуждое, надо настороже быть ему.

Дошли они быстро. Ведьма постучала в ворота, занятные, резные, на створках медвежьи лапы вырезаны и морда лесного хозяина. Вскоре ворота распахнулись, и перед ней предстал хозяин дома.

Невысокого роста, рыжеватый, с круглым морщинистым лицом, на котором выдавались скулы, и небольшими, слегка раскосыми светлыми глазками на нём. В длинной, почти до колен рубахе, украшенной вышитыми узорами, в основном растительными, а посреди них — звёзды о восьми лучах, и тёмных просторных портах. Ноги его были босыми, потемневшими то ли от грязи, то ли от времени.

— Чего тебе? — недовольно буркнул мужичок.

Вильфрида коротко объяснила причину своего появления. Курса постоял с минуту и наконец махнул головой.

— Входи, расскажу, чего знаю.

Девушка прошла внутрь, во дворе стояла небольшая изба. Спереди неё висела длинная тонкая жердь, на которой вялилось мясо, уже порядком обсиженное мухами. Тёмная от времени, она была небольшой, с низкой покатой крышей, покрытой дёрном, судя по отсутствию трубы, топилась изба по-чёрному. В дом её не пригласили. Смахнув с лавки, стоявшей у избы, мусор, охотник предложил ведьме сесть на неё, а сам присел на землю и принялся древко стрелы строгать.

— Духа-то отпусти, не трону, — миролюбиво заметил он.

И как угадал только, видимо, не зря чудинов ведунами считают, подумалось Виле.

Но веточка уже пропала, ну да и чуры с ним. Охотник уже начал свой рассказ. Говорил он долго. Рассказал, что остров средь тумана и скал и правда имеется, но попасть на него сложно, немало хирдманов там сложили головы да утопили свои драккары. Лишь один ярл точную дорогу знает. И имя ему Эгиль Ульв.

Ведьма аж вздрогнула, услышав знакомое имя и вспомнив, как проводили они этого самого ярла, после такого вряд ли он ей помогать станет. Её реакция не укрылась от чудина. Тот усмехнулся.

— Никак знакомы?

Вильфрида кивнула и рассказала, как ухватом провожала северного гостя со своего болота. Даже сама хихикнула, вспомнив, как тот бежал, чуть порты не потеряв.

— Эгиль воин и смелость ценит, не думаю, что обиду он на тебя затаил, — проговорил Курса.

— Да и как я его сыщу? — спросила Вила.

— А чего искать, его драккары вчерашнего дня к берегу пристали. В городище он, — будто между делом бросил охотник, откладывая выструганное древко. — Пригласи его, предложи цену хорошую. Думаю, в казне сыщется на то серебра.

— А ежели он опять про женитьбу начнёт? — засомневалась девушка.

— Не начнёт, ему путь торговый важнее девки, а в городище каждая собака знает, что ты невеста княжева.

— Так князя-то нет, как решит он под себя город взять? — снова привела довод ведьма.

— Эгиль море любит, простор. Оттого и свои земли брату оставил, а сам с хирдом по волнам рыщет. Так что не станет он того делать. У них с князем союз крепкий. Поможет, — он взял новый прут и снова принялся строгать, давая понять, что разговор окончен.

Вила поднялась, поклонилась хозяину, поблагодарила его за рассказ и отправилась обратно. Веточка уже снова висела на её юбке, казалось, что она даже будто живее выглядит. Домой дошла она быстро, спешила.

Собрала всех домочадцев и принялась рассказывать, что вызнала. Прошка снова в крик пустился.

— Опять этого рыжего в дом пустить вздумала? — он стоял, уперев руки в бока.

Банник сидел на лавке, прикрывшись бородой, и мечтательно смотрел в окно, будто ничего не слышал, домовому пришлось его три раза окликнуть.

— Чего молчишь, тебя спрашиваю?! — тряхнул он того за плечо. — Скажи хоть ты ей, с баб-то что взять, — он отмахнулся от начавшей что-то говорить кикиморы.

Дух наконец отвёл взор от окна и заговорил.

— Кюльбет, у него такая кюльбет живёт…

— Какая ещё кюльбет, тебе солнце в голову ударило, что ли?! — не понял Прошка.

— Хозяйка бани, — прикрыв глаза, сказал банник.

— Не, вы поглядите на него, мы тут князя спасаем, а он на баб глядит! — возмутился домовой.

— У чудин банников кюльбет зовут, а её кюльбет-баба, — словно не слыша Прошку, продолжал банник. — Хороша она… Телом пышна…

И, скорее всего, домовой вновь бы вцепился тому в бороду. Но тут в дверь громко и требовательно постучали, все притихли, а Гранька отправилась посмотреть, кого там вновь принесло.

Наместник

Дни сменялись ночами, ночи днями, смену их он понимал по приходам и уходам Первака. Светозар их особо не считал, спина заживала, а это значило, что скоро и его утром вытащат из каменного мешка и отправят на работу. Спать уже не хотелось, выспался. Он заворочался на каменной лавке. За стеной раздались шлёпающие шаги, за Перваком бес пришёл, поведёт того на озеро. Дверь распахнулась, и отвратной наружности существо громко прохрипело:

— Вставайте, бездельники, пора чертог строить. А ты чего лежишь? — он ткнул кнутом князя. — Тебя тоже привести велено.

Встав, Светозар вышел и вдохнул пахнущий серой воздух, грудь слегка сдавило. Размял плечи, затёкшие от долгого лежания, в мешке места особо не было, не развернёшься. И пошёл вслед за бесом.

Работы он не боялся, а вот найти способ сбежать надеялся. Картина вокруг него не менялась. Всё то же низкое алое небо или что тут, чёрные горы и дым. Впереди показалось Смоляное озеро. Смола в нём кипела, пузырилась и иногда разлеталась жгучими каплями, попадая на плоть и заставляя морщиться от боли.

Перед озером стояла вереница чёрных, как и водоём, тел. Князю сунули в руки деревянное ведро и подтолкнули в спину, дескать, давай в очередь иди, чего стоишь тут. Он схватил веревочную ручку и встал за Перваком.

Души в очереди толкались, шумели и ругались. Одна из толкнутых соседом душ полетела в смолу, раздался громкий крик, и запах палёной плоти разнёсся над головами. Видимо, тела тут имели значение, чтобы мучить удобнее, подумалось Светозару.

Целый день они таскали тяжеленные вёдра, верёвка больно впивалась в ладони, плечи ныли от нестерпимой боли. Да ещё каждый так и норовил ткнуть, пнуть, поставить подножку. От одного такого чуть с тропинки не слетел. Занёс было руку для удара, но остановился, вспомнил рассказы старика, не стал душу чёрным деянием марать. Дед добродушно кивнул, мол, верно, так и делай.

Чертог новый был уже большим, версту, считай, занимал. И куда ему такой большой?

Смола, застывая, превращалась в причудливые столбцы, стекала узорами. Чёрный, блестящий в красном свете чертог завораживал. Достоен владыки. Князь им даже залюбовался. А оттого замедлился и тут же хлыстом по спине получил, Волох выскочил из-за камня и разорался:

— Чего встал, как истукан? Работать кто за тебя будет?

Пришлось вновь тащиться вслед за вереницей, черпать смолу, сливать её в лохани, откуда ту черпали бесы, что строили терем.

Лишь на полчаса им перерыв дали, сунули по куску кислого хлеба да по солёной рыбине. Наскоро затолкав еду, князь лёг на камни, спина болела.

Рядом толкались и дрались за еду души и оттого ещё больше чернели. Крики раздавались со всех сторон. Дед смотрел на всё это, посмеиваясь. Видать, уже привык. А вот Светозару больно было видеть, как людские души превращались в оголодалое зверьё.

Он уже было вставать собирался, как рядом присел мужик. Спутанные волосы закрывали его лицо.

— Прости, что ли, княже, — раздался хриплый знакомый голос.

— Гостомысл? — удивился князь.

— Я, княже, — он печально вздохнул.

В этом обросшем, грязном, похудевшем человеке было не узнать того важного наместника, которым он когда-то был. Сейчас это было жалкое подобие людской оболочки.

— Так я и думал, что ты тут. Куда ж тебе ещё, — проговорил Светозар. Ему даже жалко стало бывшего своего наместника. «Во что превратился, ты посмотри», — подумал он.

— Сюда… Наворотил я дел, — князь заметил, что одна рука у Гостомысла светлее, значит, исправляется он. И то хорошо.

Раздались крики их стражников, и вереница вновь потянулась чёрной змеёй от озера к чертогу и обратно.

Гостомысл встал за князем и по дороге рассказывал тому, как он к змию пришёл, как загадки отгадать не смог и что тот его сожрал. А потом он сюда попал.

— Вихрь меня чёрный подхватил, швырнул будто в яму, и стал я падать, — говорил бывший наместник. — Долго летел, чернота лишь кругом. А потом упал на берегу озера Огненного.

Светозар отметил про себя, что, оказывается, все там в Пекло являются, будто вход там.

— Слышу голос за спиной, зовёт за собой меня, — Гостомысл продолжал рассказ. — Обернулся, а там образина стоит. На лягуху похож, но с рогами и копытами, будто козёл какой. Перепугался я. Не того ожидал я от Мары да Чернобога, а они вона как со мной, — печально заключил он и замолчал.

— Да уж, досталось тебе. Но сам виноват, — проговорил князь. — Никто силком против меня подлость творить не заставлял, чай, сам власти захотел.

— Сам, — кивнул тот. — А ты-то как тут? Да ещё и живой? — задал мучавший его вопрос наместник.

Снова пришлось мужчине рассказывать про бой с Чернобогом, про Мару, про то, что ведьма его силу сыскала. Не мог он про неё иначе думать, его, и всё тут. Убедит, сможет сердце её растопить. Выбраться б только.

— Да уж, — только и протянул Гостомысл. — Тут я не помогу, не знаю, как отсюда выйти. Может, нянька в сказках чего рассказывала, не помнишь?

Он и сам почесал затылок, вспоминая, может, и ему чего говорили. Даже от этой сущей мелочи один палец наместника стал ещё чуть светлее.

Задумался князь, начал вспоминать, да чуть не споткнулся, Первак, спасибо, подхватил, помог, и рука его вновь светлее стала. Хороший дед, скорее б уже отмаялся.

Чернобог, скрестив руки за спиной, стоял около узкого высокого окна и смотрел, как внизу копошатся души, тянется чёрная лента. Проклятый князь древлянский, считай, всю силу меч его выпил. Он с трудом повернулся и посмотрел на стоящего перед ним высокого статного мужчину.

— Явился? — он прошёл к чёрному трону, в его чертогах всё чёрным было, больно любил он этот цвет. — Посмотреть, как старик мучается, захотелось?

Мужчина склонил голову.

— Не на что тут смотреть, отец, силы восстановишь, накажешь виновника. Ему теперь света белого не видать.

— Ежели только ведьма спасать не явится, у неё теперь силы хватит. Сам знаешь, чья дочь, — он стукнул кулаком по подлокотнику. — Тянет же вас вечно на смертных баб! Вот мы раньше…

— Не начинай, отец! Да и лично меня никогда смертные не прельщали, сам то знаешь, — Аспид скинул морок и растянулся на полу, змеиная сущность ему была милее.

— Тебе... А вот твой брат детей наплодил. И некоторые из его чадушек да внуков силу иметь могут. И немалую. А у этой, — он брезгливо скривился, — и мать непростая баба оказалась. Это ж надо было с дочкой самого Перуна таскаться! Пусть и от смертной бабы. Представляешь, какая сила в этой ведьме сокрыта?!

Змий прикрыл глаза и кивнул. Представлял. А вот перетянуть на свою сторону её не вышло, и теперь она представляла его отцу угрозу, но его это мало волновало. Впрочем, как и всегда.

— Ты меня слушаешь? — грозный окрик выдернул Аспида из дрёмы.

— Слушаю… — он зевнул и потянулся, разворачивая кольца и крылья.

— А мне кажется, нет. Я тебя спрашиваю, почему ты не у Древа?! Ежели она путь к острову сыщет, отыщет и Горюч-камень, то путь сюда найдёт. А ты тут прохлаждаешься. Нельзя её к камню пустить.

Змий сонно моргнул, на тёплом каменном полу так сладко спалось, но отец не в духе, пора убираться восвояси. Он разочарованно зашипел и пополз прочь. Придётся опять каменюку сторожить, чтоб её бесы унесли.

Чернобог же вновь подошёл к окну. Где-то там и Светозар сейчас тащил ведро со смолой, строил его новый чертог. Но удовлетворения эта мысль ему не принесла. Он не был рад тому, что его противник сейчас мучается. Хотелось покоя, что ли?

Дети ещё эти, сыновья и внуки его, всегда не отличались разборчивостью, но один особенно отличился. И не спросишь с него. У Мары томится, а та его отпускать отказывается. Он гневно сузил глаза. Как смеет удерживать его потомка? Это уже перебор!

Спину заломило, и он вернулся на трон. Чувствовал себя стариком, а не могучим богом. Глянул на чашу, куда стекала жертвенная кровь, — почти пусто. Забывают люди тёмных богов, не боятся их так, как раньше. Ещё каких-то сто лет назад чаша всегда была полна. А теперь… Он огорчённо махнул рукой. А теперь ещё и тут заперт, пока силу не восстановит.

В зал вошёл и поклонился до полу Волох.

— Звали, Владыка? — не поднимая головы, спросил бес.

— Звал, — он кивнул головой. — Сын мой и внуки вход хранят?

— Хранят, Владыка, — вновь склонился Волох.

— Пусть не спят там, — он постучал пальцами по подлокотнику. — Как князь? Таскает?

— Таскает, Владыка.

— Мучается?

— Не особо. А вот Гостомысл на вас ропщет, — новый поклон согнул спину.

— Плетей ему всыпь, чтоб не роптал, — Чернобог сделал жест рукой, отсылая беса.

Надо бы и самому к сыну наведаться, посмотреть, как он там, давно не был. Впрочем, он никогда не питал прям отцовских чувств. Так вышло, что у него появились дети. И он лукавил, говоря, что он не смотрел на смертных женщин. Вий был зачат от ведуньи и пошёл по стопам отца, как и внук Чернобога, тоже связался со смертной. За что ту и покарали и Мара, и муж. А вот девка славная всё же вышла, ещё б сторону деда взяла, но нет, людское племя ей милее. Но может, оттого, что не ведает и сама, чья она дочь? Так надо-то ей сказать, осенила его мысль.

Вот только как донести-то до неё, да так, чтобы точно поверила? Об этом стоило хорошенько подумать. Чем он и занялся, устроившись поудобнее и закрыв глаза.

Но подумать ему не дали, в зал быстрым шагом вошла Мара, будь она неладна.

«Стоило только о ней подумать, как на тебе, явилась», — нервно подумал Чернобог, но вслух произнёс другое:

— С чем пожаловала?

— Проведать решила, — женщина опустилась на резную лавку.

«Хоть бы разрешение спросила, как у себя дома ходит», — вновь мелькнула мысль.

— Спасибо, что заглянула, а я вот от скуки новый чертог строю, — миролюбиво сказал Чернобог.

— Успела заметить. Я по делу, — без перехода начала Мара. — Отдай мне князя.

Владыка Пекла чуть не задохнулся от возмущения: «Ишь чего удумала, отдать ей Светозара!».

— Зачем это он тебе? — вкрадчиво спросил Чернобог.

— Надобен, — богиня встала и подошла ближе. — Без меня там бы и сгинул на века тут. А так, немного, и восстановишься.

— Князя я тебе не отдам, не проси, — отрезал Владыка.

— Не отдашь?

— Не отдам!

Мара махнула подолом и пошла прочь, бросив на прощание:

— Пожалеешь ещё, попросишь помощи, но я не приду, — и вышла за дверь.

Чернобог вздохнул, Светозар ей был нужен явно, чтобы ведьму своей жрицей сделать, но у него на неё другие планы, а потому придётся Маре обойтись как-то.

Он вновь устроился на троне, прикрыл глаза рукой и задумался. Как же донести ведьме, что она не просто человек, она что-то гораздо большее, но так, чтобы не возгордилась? Не решила, значится, что она теперь самому ему аль вон Маре ровня. У людишек такое бывало, он это знал, оставалось решить этот вопрос. Чтоб и знала, и нос не задирала.

Раз за разом продумывал он слова и отметал их, будто поганой метлой. Ни одна мысль не казалась хорошей. Ещё ж важно, как она к Светозару относится. Ежели, как и князь, сердцем к нему тянется, тут сложнее. А вот коль нет… Тогда можно придумать чего. Например, Усыню к ней подослать, мороком его окутать. А что, влюбится в него и всё. Но нет, кровосмешение не то. Опять не то придумал. А всё бесов внук, загадал деду загадку. А вот Огнивец сойдёт. Точно! Надо к ней просто Летавца послать. Она к нему страстью воспылает и князя позабудет. Аль нет? Ведьма-то она сильная. Чернобог аж сплюнул от досады. Ничего путного в голову не приходит. Аж разболелась та с дум тяжких.

Тут ещё Шиш явился. Поводил носом своим длинным из угла в угол. Вертится, будто кубарь, не стоится ему на месте. Голова маленькая, сам тощий. Весь внешний вид его отталкивал, даже Чернобога. Надо ж было такой пакости народиться.

— Зачем пришёл? — он отнял руку от лица и посмотрел на беса.

— Так это, Владыка, ты же сам велел к вечеру придти. Так вот он я. Явился, — писклявый голос раздался из-под копны нечёсаных волос.

— Зачем звал? Не помню, — Чернобог вздохнул. Совсем память худая стала, сам не помнит, зачем Шиша позвал. — А тебе не сказал? — уточнил он.

— Нет, Владыка, не сказал. Через Волоха передал, чтоб явился, и всё.

— Ступай тогда прочь, как вспомню, позову вновь.

Ох, не дело-то, перед бесами слабость показывает, неровен час кто из них решит, что пора ему трон-то освободить бы, и устроит ему подлость какую. А всё князь, чтоб его чуры всю жизнь смолу таскали. Но чуры его в Ирии.

«Зато не народятся назад, — злобно подумал Чернобог. — Потомок-то их тут, некому род продолжать. Так и сгинут. А туда им и дорога».

Тут и Волоха опять принесло. Решил, видите ли, вызнать, сколько плетей Гостомыслу всыпать за роптание. Ничего сами решить не могут! Вздохнув, Чернобог посоветовал десяток пока дать, всё служить ему мужик старался, но не услужил. А вот лишнего говорить никому не положено, пущай теперь спину подставляет.

Наконец все разошлись. «Нет, ну право дело, как старик, — вновь промелькнула мысль. — Голова, как у смертного, трещит, что сухой пень под топором. Памяти не стало. Ох, князь с его мечом проклятым. И ведь скоро-то не кончится маета эта».

Обмакнул пальцы в кровь, понюхал бычью. Ему б сейчас людской немного, сразу бы легче стало. Но перестали, считай, людские жертвы приносить. Жалостливые какие больно стали. С этими мыслями отправился в покои, решил спать ложиться. Мара тоже эта. И как он мог на такой вздорной бабе жениться. Ох, как бы она Аспида на что не подговорила, как ни крути, общий их сын он.

Вереница душ тем временем тянулась к своим темницам. Вдруг двое бесов подскочили к Гостомыслу, схватили того за руки и потащили за собой. Закричали, загалдели души, многие радостно, другие огорчённо. Разобрал Светозар в гомоне крики про плети. «Это что ж выходит, наместника сейчас будут кнутом охаживать? — подумалось ему. — А за что?»

Спросить того не успел, толпа потянула за собой к широкому кругу, где стояла лавка, к ней-то уже и привязывали Гостомысла. Рядом Волох ходил. Кнутом своим по ноге постукивал. И правда, радость ему, видать, мучения чужие доставляют, вон как скалится.

Стащили с наместника рубаху, к лавке за руки да за ноги привязали. Лежит бедняга, извернуться пытается. А толпа кричит. Подгоняет беса, давай, дескать, начинай. Не томи. Нет развлечений тут, им и чужие муки за радость тут. Нелюди, считай, стали. Горько от того на душе Светозара стало от этих мыслей. Стиснул зубы, стоит, кулаки сжимает. А Волох по кругу ходит, кнутом щёлкает, жути нагоняет на Гостомысла да толпу.

И вот наконец встал за спиной того. Бесы лавку задрали. В специальные ямки поставили. Широко ноги бес расставил. Замахнулся. Раздался свист кнута в воздухе, но удар мимо прошёлся. Пугает, видать, чтобы поперву страха наместник натерпелся. Лицо его видать немного, глаза вон зажмурил, удара ждёт. Вновь засвистел кнут. В этот раз по спине полоснул. Раздался крик боли полный. Запахло в воздухе кровью горячей. Дёрнулся Гостомысл, рванулся с лавки, держат путы крепко, не сбежать.

Снова Волох отошёл, обернулся на толпу, смотрит. Глаза кровью налиты, на лице улыбка, как у зверя лютого оскал. Поднял руки вверх, кулаками потряс. Снова кнут засвистел. Лишь Светозар стоять остался, остальные попадали, головы закрыли. Усмехнулся довольно бес.

Видать, по нраву ему такие забавы. Вернулся обратно к наместнику. Вновь спину кнутом его ожёг. Крик Гостомысла душу князя наизнанку вывернул. Жалко ему стало наместника, хоть и подлая, а всё славянская душа у того. Подался вперёд. Решил на себя удары принять. Нельзя доброму человеку смотреть, как другого мучают запросто так, а причины для такого он не видал.

Сборы

Распахнув дверь, кикимора тут же её захлопнула.

— Кто там? — крикнула ведьма.

— Да никого, теремом ошиблись, — начала было Граня, но стук повторился. — Принесло ж окаянного, — тихонько пробормотала та.

— Вильфрид! — из-за двери раздался громкий, с северным акцентом голос. Который ведьма тут же узнала. На ловца и зверь бежит, подумалось ей. Но как Эгиль узнал, что она в городище, а главное, зачем явился?

— Граня, пусти гостя, — попросила она.

Кикимора, ворча, открыла дверь и махнула рукой — проходи, дескать.

Варяг кивнул женщине, кикимору он в ней не признал, наклонил голову, чтобы притолоку не сбить, и вошёл в горницу. Поклонился хозяйке, бросил взгляд на коловершу-кота и встал, теребя в руках край кожаного пояса.

— Доброго здоровья, Эгиль, — поприветствовала Вила нормана.

— И тебе, хозяйка. Слышал я о беде, что у вас случилась. Нойд ваш рассказал. Я Светозара уважаю, а оттого готов помочь тебе. Знаю я, где остров Руян лежит. Готовы мои драккары к пути.

Ведьма пригласила его к столу, налила кваса.

— А я искать тебя и сама собиралась, Курса посоветовал. А ты, как чуял, сам пришёл.

Мужчина кивнул, искоса глядя на девушку. Ох и хороша она стала — глаза золотом отливают, телом бела, крепка.

— Повезло князю с невестой, — проговорил он.

— Не о том сейчас речь вести стоит, Эгиль, — Вильфрида присела на лавку и подпёрла голову кулачком, — А о том, как нам спасти его? Не дело, чтоб земли без правителя были.

Норман кивнул, соглашаясь с ведьмой. Права она.

— Значит, нужно собираться, до дождей успеть до Хольмграда дойти, потом волоки затопит, тяжело идти станет там. Альдейгья тоже, если встанет, то тяжело будет. Путь до Остзея там лежит.

Вила переспросила его, что такое Остзея. Оказалось, так норманы море Варяжское называют. Ну что ж, значит, надо в путь собираться. О том и сказала.

Прошка, до того за печью сидевший, тут же выскочил, раскричался, Эгиля вытолкать решил.

— О, гутгин, — радостно гоготнул варяг, — и ты здесь?!

— Сам ты гутгин, — проворчал домовой, пихая того в ногу. — Выметайся из избы, кому сказано. Не пущу её никуда. Тем более с тобой!

— А чем я плох? — удивился Эгиль.

— А тебе напомнить? — голос Прошки не предвещал тому ничего хорошего. — А тут ещё и на ладью, мужиков полную.

— Вильфрид — кюна князя будущая, пальцем не трону её, — заверил домового варяг. — И хирд мой меня слушается, никто обидеть её не осмелится.

— Знаю я вас, — бурчал Прошка.

— Пойдём с нами, — просто предложил Эгиль. — Я не против. Хирд тоже рад будет, если гутгин станет хранить драккары.

— Вот ещё, в лодку лезть, — домовой отвернулся, сложив руки на груди. Но лезть придётся: Вилька, вона, уже, зараза такая, вещи пакует, а одну он её не отпустит.

Гранька тоже стала собираться. Махнув рукой, Прошка отправился сундучок укладывать. «Бесовы бабы, не сидится ж им дома!».

Варяг, убедившись, что все готовят сборы, отправился тоже припасы пополнить да хирд собрать. Едва за ним закрылась дверь, как домовой пустился в крик:

— Ты вот чего удумала? Воевода вон пущай тащится. Не бабье то дело по морю рыскать, то воям надобно!

— И как вой справится, интересно мне, с Аспидом? — Вильфрида сложила рубаху и положила ту в сундук.

— А ты как? Так и не поняла, как силу использовать ещё. Случайно то тогда вышло! — кричал Прошка.

— Вот по пути и пойму, — ведьма захлопнула крышку и присела сверху. Кажется, всё взяла.

— Поймет она! — покачав головой, домовой пошёл во двор. Надобно указания дать баннику да овиннику.

Те выслушали внимательно, головами лохматыми покивали. «Ага, запомнили, как же, — подумалось Прошке. — Токма мы за порог — всё забудут и настойку лакать пойдут».

Но выбора не было. Зато Фёкла от радости скакала: снова весь терем её будет. Миларада с дочкой ревели, обняв Вильку. Тоже не хотели отпускать. В них-то и увидел союзниц домовой.

— Вот и я ей говорю, нечего там ей делать, — начал он снова свою песню.

— Пропадёт наша ласточка, — голосила Миларада, но отговаривать девку не спешила.

«Вот же дурная баба, чего зря орать-то?»

— Пропадёт. И я о том! Пущай дома сидит!

— Нельзя ей дома, её то путь, — заревела пуще прежнего Мила.

«Нет, он сейчас для кого это всё говорил? — Прошка покачал головой. — Непонятливая какая!»

— Мы её ждать тут станем, богам жертвы принесём, чтобы путь ваш добрым был, — поддакнула Краська.

«И эта туда же!» — домовому захотелось стукнуть глупых баб.

Один упырь спокойно строгал очередную деревяшку и что-то жевал. От переживаний и у Прошки живот подвело, цапнул пирог и сунул тот в рот, хоть поесть нормально перед дорогой. В море-то что там жрать? Небось одну рыбу сырую?

Сырой рыбы ему не хотелось, а оттого решил он в свой сундук напихать пирогов, да побольше. Этим и занялся. Вскоре вместо рубах да порток там красовались кулебяки да расстегаи. Свой запас не тянет, решил Прошка и ещё в мешок сухарей сложил. Убедившись, что провизии достаточно, во всяком случае, на одного домового так точно, пусть и прожорливого, как говорят бабы, успокоился. С голоду он точно не помрёт и Вильке помереть не даст.

«А Гранька та и рыбу могёт, жрала ж чё-то, пока ведьма первая на болоте не поселилась. Жрала! Лягух небось?! От того и склочная такая, поешь-ка лет сто жаб».

К вечеру сборы были закончены. Вильфрида сидела около окна и нервно крутила в руках новую деревянную ложку, вырезанную Тишкой. Торяшка залез ей на колени и тихо мурчал там, а Прошка нервно ходил из угла в угол. Ранее он никогда по морям да рекам не плавал. Водяным да банникам вода в радость, а домовые они как-то её не особо жалуют, только ежели в бане. И оттого покоя в его душе не было. В дверь постучали, и домовой чуть в стену не влетел от неожиданности.

«Тьфу ты, носят их бесы», — подумалось ему.

В избу вошёл Беловид, а за ним на пороге мялся воевода.

«Этому-то чего надобно? — Прошка нахмурил брови. — Ходят и ходят. А ты токма успевай морок накидывать. Чтоб их чуры унесли!»

Волхв прошёл в горницу и присел на лавку, утёр пот со лба и заговорил:

— Эгиль сказывает, мол, собрались вы с ним в море Варяжское. Остров Руян сыскать решили?

Ведьма кивнула.

«Чего скрывать-то?» — подумалось ей.

— Не боязно? — Беловид внимательно посмотрел на девушку.

— Боязно, но надобно то сделать, — честно ответила Вила.

— Елизар с вами отправится, за тобой приглядит, чтобы чего не случилось.

При этих словах Прошка закатил глаза. Решили козла капусту стеречь заставить.

Воевода степенно кивнул, мол, да, буду оберегать. А сам глаз с ведьмы не сводил, не те мысли в его голове были, не о том думал, ну да что теперь.

— Держи вот, — Беловид протянул ей небольшого чура. — В доме твоих родичей сыскать удалось. Пусть тебя в том пути твои чуры сберегут, — проговорил он.

Вильфрида сжала фигурку и чуть не заплакала: вот это и всё, что осталось от её семьи. Удивило лишь то, что фигурка более напоминала идола, чем чура, но кто знает, почему так. Главное, что то из-под родного крова вещь.

— Спасибо, Беловид, — сдержанно, как и пристало женщине благородной, поблагодарила она волхва.

— С силой-то разобраться успела? — задал тот новый вопрос.

Вила покачала головой. Всё, чему смогла научиться, так огонёк ведьмин больший делать, а вот как управлять своими силами, так и не скумекала, хотя силу в себе чуяла.

— Ну, может, до острова поймёшь, — было заметно, что очень на то волхв надеется.

На том и порешили. Воевода с Беловидом попрощались и отправились прочь. А домовой пошёл баню проверить. Решили они перед дорогой сходить туда, кто знает, когда ещё придётся. Воды в море, конечно, много, но мыться-то там как?

Банник расстарался, натопил её жарко. Едва дверь открылась, пар пошёл такой, что весь двор скрыло будто туманом молочным.

Вскоре все домочадцы, пахнущие берёзовыми вениками да травами, сидели около избы за столом да пили холодный квас. Розовощёкие бабы даже развеселились. Гранька ради такого дела морок даже не скинула: нравилось ей быть румяной да распаренной. Отхлёбывая квас, она всё косила зелёным глазом на домового. Тот сперва хотел было снова про сотника напомнить, да не стал: больно уж вечер хороший выдался. С тем и пошли спать.

Наутро их разбудил громкий стук в дверь. Явился Эгиль с каким-то рыжим варягом, похожим на разбойника, впрочем, почему похожим: они ж по сути и есть разбойники. Здоровый, с косами, заплетёнными надвое, тот стоял посреди двора, широко расставив ноги, и громко смеялся. Норман спросил, готовы ли они, и, получив утвердительный ответ, приказал помощнику (его, как оказалось, звали Олафом) таскать сундуки на телегу, что стояла у двора. Пора было грузиться на ладьи.

«Главное, при варяге не болтнуть про ладьи, — подумал Прошка. — Драккар, и всё тут! У них же, скажи, чего иное попробуй. Смотри, какие нежные, как телята».

Вскоре вещи были погружены, и телега поехала вниз по улице в сторону реки. А вместе с ней и Эгиль, запрыгнув на край, он весело помахал рукой и крикнул, что пришлёт человека, как придёт время к отплытию, а пока советовал хорошо выспаться: мол, на море не все крепко спать могут. Чем Прошка и занялся, ну а что, сказали, он и делает. А вот Виле не спалось совсем. Она бродила по избе, будто блазень.

Она присела наконец и достала из мешочка на поясе чура. Принялась его разглядывать. Вырезанный умелыми руками из дерева, кажется, из осины, он уже слегка потемнел от времени. Ведьма принялась разглядывать его черты.

Тот был совсем небольшой, размером с ладонь всего, но очень искусный. Фигурка изображала молодого мужчину с длинными волосами, собранными в косицу. Был он снаряжён в кольчугу и шлем, в одной руке держал меч, в другой — щит. Но что больше всего поразило

Вильфриду, так это глаза чура. Они были сделаны из какого-то тёмного камня и казались ей живыми и полными ума. Виле даже на миг показалось, что они следят за ней.

Она провела пальцем по лицу чура, чувствуя под пальцами гладкую поверхность дерева. Несмотря на свой небольшой размер, фигурка была сделана очень умело, с большим вниманием к деталям. Вильфрида почувствовала, как от неё идёт странная сила, будто волшба чья-то внутри сокрыта. Она не могла объяснить, что это такое, но это было что-то мощное и древнее.

Даже холодом от него повеяло, заставив девушку поёжиться. Это что ж у неё за родичи-то такие? Решила сама в Любич наведаться да разузнать то. Тем более путь их через него лежит. Больно уж любопытно ей стало.

А пока поклала обратно и забыла, нужно было последние приготовления закончить.

Проверила терем, указания дала Милараде да Красимиле. Сходила до банника и овинника, с духами тоже нужно было попрощаться. Приказала им девок беречь да стеречь, за двором смотреть. Феклу за домом глядеть оставила, а той и в радость, что снова полноправная хозяйка тут станет. Избавится от ненавистного ей Прошки.

Закончила все дела уже к вечеру, вошла в избу, там за столом все домочадцы сидели, девки сенные вдоль стены стояли, ждали, когда хозяйка трапезничать сядет. Тут же ужин и подали. Заметила Вила на лавке плащ, тёмно-синий, мехом куньим подбитый.

— А это откуда? — она обвела взглядом семейство.

— Беловид прислал, — пробормотал с набитым ртом домовой, — чтобы на море не замёрзла.

Девушка улыбнулась: заботится о ней волхв, будто и впрямь невеста княжеская. Впрочем, для горожан так оно и есть. И она пока не станет их думы развеивать.

Ей уже не терпелось в дорогу отправиться, оттого и сон совсем не шёл. Она села у окна, зажгла плошку с жиром и принялась вышивать рушник.

— Никак приданное готовишь, — рядом села Милорада. — Красивый утиральник мужу будет.

— То я просто, — густо покраснела Вильфрида.

— А я вот помню, как своё готовила, — продолжила Мила. — С десяти годочков вышивала, шила да пряла. Пять сундуков собрала. Скатерти тонкие, рушники, пояса, рубахи, ох сколько я пальцев исколола и иголок сломала. Зато самая рукодельница была.

Женщина закрыла глаза, вспоминая свою молодость.

— А я не очень вышивать люблю, мне больше с травами возиться нравится, — призналась ведьма.

— Да князю те тряпки и ни к чему, своего хватит, — весело махнула рукой Мила.

— Да может, мы ещё и не поженимся.

— Аль не люб он тебе? — женщина посмотрела на Вильфриду.

— Сама не знаю, — та вздохнула. — Пока его рядом нет, вроде как и люб. А как рядом, страх и оторопь берут. Бабка вспоминается. И сама уже не знаю, хочу ли я его суженой быть.

Долго они ещё о том говорили, но так и не поняла ведьма своих чувств к князю древлянскому. Утомлённая разговорами, она поднялась в светлицу и легла спать, крепко сжимая в руке фигурку чура.

А утром явился человек от Эгиля, сказал, что завтра им и отплывать. Дескать, давайте к обеду приходите на берег. Ещё один день прошёл в суматохе и ожидании. Вильфрида не находила себе места от волнения и тревоги, лишь чур и помогал успокоиться. Она его, считай, из рук не выпускала, лишь изредка убирая в мешочек поясной и тут же снова вытаскивая. Сила в нём точно была, сродни её, а значит, то и правда её предок вырезан. Интересно только, дед аль прадед-то? А может, кто более дальний? Вдруг у неё в роду были великие волхвы аль колдуны? От того и в ней силы столько.

Эти мысли дарили чувство покоя и защищённости. Она представляла себе могучих предков своих, что творят волшбу на берегах рек и в тёмных лесах. Обвешанные оберегами, сильные, они, в её мечтах, воздевали руки к небесам и говорили с богами как с равными. И так ей те мысли нравились, что думала она о том не переставая, считай. А ночью ей сон приснился.

Высокий темноволосый мужчина стоял на краю скалы, его воздетые к небу руки озарялись всполохами молний. Ветер яростно трепал его длинные волосы, скрывая лицо, но Вильфрида точно знала, что там лицо того самого чура, что принёс ей Беловид.

И тут хлынул дождь, его потоки хлестали упругими струями, будто смывая всё, что было до. Раздался смех, громкий, разнёсшийся по горам и лесам. Засветились воздетые руки, по ним потекла колдовская сила, и мужчина взметнул их вверх, призывая молнии ударить в землю.

«Это ж с кем таким могучим союз её предок заключил?» — подумалось Виле.

Предок наконец закончил свою волшбу и отправился вниз, он легко перепрыгивал с камня на камень, изредка лишь зажигая небольшой огонёк, что светился красным. «А у меня синий он», — отметила про себя ведьма.

Она следовала за ним бесшумной тенью, так ей хотелось лицо его увидеть, в глаза посмотреть, но никак то не удавалось. Наконец впереди показалась тропинка, на неё-то и вышел мужчина и, плотнее запахнув тёмный плащ, с которого текли ручьи воды, пошёл вперёд.

Вильфрида скользила за ним тёмной тенью, стараясь не упустить ни одного его движения. Вот он ловко перепрыгнул через ручей, вот пригнулся под веткой упавшего дерева. Ведьма поражалась его ловкости и силе. Вскоре они добрались до огромного терема, спрятанного в чаще лесной, средь густых елей. Мужчина вошёл в него, захлопнул тяжёлую дверь, задвинул засов. Но для тени-то разве преграда? Она тоже внутри оказалась.

Огляделась. Ничего лишнего. Резная мебель из дуба да ясеня, шкуры на лавках, печь в углу. Предок стащил сапоги и присел на резной престол. Ишь ты как, это ж что ж, она потомок князей каких, что ли?

А мужчина тем временем щёлкнул рукой, и в очаге занялся огонь, протянул он к нему ноги и стал греться. Вильфрида осторожно приблизилась к нему, стараясь не шуметь. Вот он, наконец-то она увидит его лицо… Только заглянуть в него хотела, как вдруг в дверь терема постучали, мужчина вскочил и бросился к двери, шепча что-то, видать, охранное что. Девушке стало интересно, кого он так боится, она заскользила к двери, та распахнулась от порыва ветра…

И Вильфрида проснулась.

Бой

Первак не успел перехватить Светозара, и тот шагнул вперёд. Кулаки сжаты, взгляд прямой и дерзкий.

— Я смотрю, ты горд собой, Волох?! — раздался голос князя над толпой. Толпа душ расступилась, давая ему дорогу. — Нравится мучить тех, кто ответ дать не сможет?

Бес от этой наглости аж кнут опустил, не веря своим ушам. Смертный смеет ему перечить? Такого тут ещё не было.

— На его место захотелось? — наконец заговорил Волох, сверля князя взглядом.

— В честном-то бою ты никто, вот и радуешься власти, — не умолкал Светозар, продолжая дразнить того. — Как и при жизни. Из кустов да ватагой только и был смел.

— Боя хочешь? — спросил бес вкрадчиво, склоняя голову набок.

— А ежели и хочу, неужто осмелишься? — подначивал князь, не обращая внимания на дёргающего его рубаху старика. В его глазах плясали озорные огоньки.

Волох перехватил кнут поудобнее, осмотрелся и кивнул помощнику, небольшого росточка бесу, похожему на лягуху:

— Кинь ему ножик, чтоб не говорил, дескать, безоружный был, когда я его отделаю. Выходи, — он поманил Светозара лапой.

— Только давай уговор! Ежели раню тебя, перестанешь мучить Гостомысла, — предложил он бесу.

Тот кивнул, соглашаясь, уверенный в своей силе да умении кнутом махать:

— Он тебя предал, а ты в заступники пошёл, странный ты князь. Но ежели не ранишь, тебе на его месте быть.

Бес кинул ему нож и отошёл. Князь ловко поймал ножичек, осмотрел его и встал, широко расставив ноги.

— Странный не странный, а не заслужил наместник такого, — ответил Светозар. — Готовься, Волох.

В воздухе засвистел кнут. Светозар выставил руку, и кнут обвился вокруг кисти. Князь упёрся ногами и дёрнул Волоха на себя. Тот едва устоял на ногах, выпустил рукоять и испуганно уставился на Светозара. Толпа замерла, затаив дыхание.

— Держи свой шнурок, бес! — князь презрительно бросил оружие к копытам беса. — Нет чести в такой победе.

Души разочарованно застонали.

Светозар же не стал терять времени даром и бросился на Волоха с ножом, скинув плеть с рук. Тот отбил удар кнутом и щёлкнул кнутовищем, рассёк руку князю, чуть по лицу не попал. Тот увернулся и сделал подсечку. Волох вновь взмахнул кнутом, тот почти было вокруг тела обвился, но Светозар отпрыгнул назад.

Они кружили друг вокруг друга, выжидая удобного момента для атаки. Волох был хитёр, подлости не чурался, но Светозар был молод и ловок.

Наконец, бес сделал выпад, но князь поднырнул под кнут, будто щука, и ударил ножом в бок. Волох взревел от боли и отпрыгнул назад.

— Хорош ты, княже, от чего противишься? Становись слугой верным Владыке, жить хорошо станешь, — начал бес.

— Не служу я тёмным богам и служить не стану, — ответил Светозар.

Волох сплюнул и приказал помощникам отвязать Гостомысла. Слово есть слово, даже для беса.

Князь подхватил избитого наместника и помог тому дойти до его темницы, а после в свою отправился вслед за Перваком, который шёл, что-то бормоча себе под нос и злобно сверкая глазами.

Едва дверь за ними захлопнулась, он напустился на Светозара:

— Ты чем думал вообще, оглашенный? Он прямо там тебя мог насмерть забить! — дед махал руками, расхаживая по небольшой клетушке и нервно дёргая свою бороду. — Совсем страха в тебе что ли нет?!

— Негоже беззащитного лупить почём зря. Чем Гостомысл заслужил такое? Тем, что Чернобогу служить стал да Маре? Так-то по глупости да жадности и зависти. Не от ума большого. А за глупость чего бить? — князь сидел на лавке и смотрел на старика спокойно и бесстрастно, словно не замечая его гнева. — Да отпусти ты бороду, всю выдерешь же, — усмехнулся Светозар.

— Да хоть бы и за глупость! Тебе о землях своих думать надобно, а не того, кто тебя предал, жалеть. Ему тут свой век долго куковать, не раз спину подставит. Или же ты уходить не собираешься? Будешь сидеть защитником ему служить? — Первак прекратил трепать бороду и повернулся к Светозару и посмотрел в глаза, в его взгляде читалось всё, что он о выходке того думает.

— Ну почему не собираюсь, собираюсь очень даже! Но пока я здесь, не могу я смотреть, как этот Волох над всеми измывается, — горячо объяснил свои действия князь.

— А ежели он тебя забьёт? Или решит, что не хочет боле в игры играть, и заместо кого-то на лавку привяжет? — тревожно спросил старик. Его доводы были справедливыми, и Светозар не сразу нашёл, что ответить.

— Понимаю я то, но и ты пойми, я князь, правитель земель, а значит, должен защитой служить для своих людей. Даже ежели они оступились, — твёрдо произнёс Светозар.

— Живым. А это боле не твой человек, душа-то в Пекло попавшая, — отрезал дед. — А души, коль сюда попали, сами должны за деяния свои ответ нести, а не прятаться за спины чужие. Только так они могут в Ирий попасть.

— Да что ж он такое сотворил, что так лупцевать надобно?! — справедливо возмутился Светозар. — Будто мало ему досталось и так. Виновен он, того я и не оспариваю, но жестоко с ним вот так.

— Владыку оскорбил словами, сам ему служить пошёл, а теперь ропщет, — пояснил Первак. — А боги того не любят. Особливо тёмные. Им поклонения хочется, а он мало того, что службу не сослужил, так теперь ещё и жалуется.

Задумался Светозар, так-то оно так, но ведь его душа на такое молча смотреть не может, но и дед прав, ему о живых думать надобно. И как тут быть? С тем и лёг на лавку, думы тяжкие в голове своей думая.

Волох шёл по тропинке из чёрного камня, нервно постукивая кнутом по ноге. «Ишь какой смелый выискался, супротив меня пошёл, — злобно думал он. — Но хорош в бою, тут его правда. Мне против него не стоять». А вот что скажет Владыка, к себе его призвавший, думать ему о том не хотелось. Явно не хвалить станет. Ох и лют да скор на расправу Чернобог, как бы самому Волоху на лавку не лечь за такие игрища.

Вскоре и чертог показался. Волох тяжело отворил дверь и прошёл в зал. Там, на чёрном троне, сидел Чернобог, медленно глодал куриную ножку и в окно смотрел. На беса даже головы не поворотил, покуда всю кость не объел. Откинул ту в сторону, к другим таким же. Смачно обтёр пальцы об штанину, сперва их обсосав, и уставил тяжёлый взгляд на Волоха.

— Ну что, поигрался? — грозно спросил Чернобог. Его голос эхом разнёсся по залу, заставив беса вздрогнуть. — Как несмышлёныша тебя князь перед всеми уделал, — расхохотался Владыка. — И как тебя теперь бояться? Кто такого будет стеречься? Да никто! — он стукнул кулаком по подлокотнику, от чего блюдо с костями, стоявшее на полу, подпрыгнуло и звякнуло.

— Да я ж не думал, Владыка, — начал Волох.

— То, что не думал, заметно. Твоя голова, видимо, тебе дана лишь чтобы жрать в неё, а думать она совсем не приспособлена, — перебил его Чернобог, презрительно скривив губы. — Мне б его заполучить к себе в услужение, славный был бы страж, не то, что ты! Девка послание получила? — резко переменил он тему.

— Получила, Владыка, получила! А то как же, нежели б мы ослушались, — забормотал бес.

— Догадалась, чей-то чур, кто её предок?

— Того не ведаю, Темнейший, — от волнения Волох забыл, что Чернобог терпеть не может это прозвание, но тот будто и не заметил.

— Вам было приказано за ней следить, — хозяин Пекла начал терять терпение.

— Знаками охранными всё там обнесено, не протиснуться никак, — бес склонил голову, ожидая вспышку гнева.

— Ничего доверить нельзя! Воевода что? Нашёптываете ему, что, пока князя нет, стоит ему престол к рукам прибрать да девку?

— На девку он и сам глаз положил, — Волох склонился ещё ниже. — Про престол прокуды шепчут, но пока упрямится.

— Душа его темнеет, то я вижу. Продолжают пускай шептать, да попутню к нему подсели, пусть с пути-дороги сбивает.

— Они, Владыка, как раз в путь собрались, — с тревогой в голосе сообщил Волох.

— Куда, вызнали?

— Нет покаместь. В дом не попасть, а варягов их боги хорошо хранят, — бес, считай, уже лежал на полу, боясь головы поднять.

— Чтобы к завтрему же мне всё вызнали, — новый удар кулаком вновь сотряс трон.

Впрочем, он и без бесов догадывался, куда может отправиться Вильфрида с норманами, — только на поиски Буяна. Северные боги давно своим детям открыли, где тот сокрыт, а смелости северянам не занимать. Потому путь туда знавали многие и доплыть могли.

«Нехорошо-то, — подумалось ему. — Ох, нехорошо!»

— Мара чем занята? — Чернобог встал, размял спину и плечи.

— У себя в Подлунном мире сидит, носу на землю не кажет, — ответил Волох.

«Ну хоть эта под руку не лезет, и то хорошо!»

Хозяин Пекла встал у окна.

— Следите за ней тоже, ежели к Аспиду отправится, чтоб я тут же про то знал! Понял?

Бес кивнул, как тут не понять.

— Ступай тогда, не мешай думать, — Чернобог жестом отослал Волоха. — Да пришли мне что ли душу какой бабы смазливой да ладной, отвлекусь немного.

Огня ярилина в нём было немного, но иногда хотелось страсти удовой, вот и развлекался с душами девок да баб помоложе.

Волох, пятясь как рак, выскользнул за дверь. «Кажись, пронесло, — мелькнуло в голове. — Главное теперь с бабой угодить».

Он и сам был бы не прочь потискать какую, но бесам того дозволено не было, хотя в них-то как раз горел огонь Ярилы. Многие из них, когда отпускались на Русь, там себе находили баб поглупее да творили непотребства разные.

Волоху и самому разок довелось, но чаще он просто вспоминал, как до гибели баб ярил жарко ночами, как те пищали да кричали под ним. Ох, нравилось ему то дело, особливо если супротив воли, да пред глазами женихов и мужей. Те смотрели на то кто со страхом и ужасом, а кто и сам в штаны изливал от жара, что чресла охватывал. Таких он обычно в ватагу звал, потом вместе пользовали баб чужих да довольные и сытые глотки людям резали.

Даже в паху заныло от воспоминаний. А потому, ведя девку к хозяину, опосля того как её бесы в купальню свели, чтоб, значит, чистая была, пощупал её немного. Той даже вроде понравилось, сама к руке, что под юбкой шарила, тянулась. Придёт к Владыке горячая. Может, и его корень мёртвый поднимет? Порадуется тогда тот тому, что славную ему Волох бабу привёл. Хлопнул по заднице белой перед дверями да закрыл за ней. Ему боле не положено, но хоть так, всё лучше, чем ничего, а там, может, опять отпустит его зачем Чернобог. Ох, он тогда наярится с какой вдовушкой, так что та год вспоминать будет мужика, что её в кустах тешил.

Чернобог стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел, как Волох шарит по телу девки, что ведёт к нему. Его губы искривились в усмешке, но глаза оставались холодными и равнодушными. Ничего не боится бес проклятый, совсем в последнее время распоясался, но и заменить его некогда. А девка, кажется, не очень-то и сопротивляется, эвона как жмётся к тому и даже от морды его противной её не воротит.

Вскоре скрипнули двери, и та вошла в зал. Глаза опущены, стоит, теребит край рукава рубахи. Чернобог оторвался от созерцания и окинул её оценивающим взглядом.

— Раздевайся, чего встала, — владыка сел на трон и стал смотреть, как девка неловко стягивает рубаху. Крепкие груди подпрыгнули, юбка опала вниз по ногам.

Движения девки были скованными. Она то и дело бросала быстрые взгляды на Чернобога, словно пытаясь понять, что он о ней думает.

— Давно тут? — спросил он, не отрывая взгляда.

— Второй месяц, — потупив взор, ответила девица.

— И за что?

— Маре служить стала.

— Лучше б мне, — усмехнулся Чернобог. — Я люблю девок ладных и блуд люблю, уберёг бы тебя да любовался бы, как ты с мужиками яришься жарко. Сам я давно не ходок.

Девка сделала шаг к Чернобогу, её глаза загорелись.

— Есть тут у меня один живой. Надобно его соблазнить, пусть ночь другую тебя ярит станет. Послужишь мне?

Девка кивнула вновь.

— А я за то награжу, отпущу на Русь бесицей, станешь там тешиться с мужиками сколько душе угодно.

— Летавицей стану? — спросила она.

— Можно и ей, смотрю, любишь ты срамную страсть, — хохотнул Чернобог. — Но то и хорошо, будешь меня радовать. Души с пути сбивая, в страсти и жаре топя, чтобы ни о чём, окромя уда своего, думать не могли. Но наперво князь, как справишься, так и говорить станем, — он хлопнул её по белым ягодицам и оттолкнул. — А пока пойди прочь и смотри мне, чтобы Волоха не пускала дальше рук, поняла?

Голос его был грозен, девка быстро закивала, собирая одежду.

— Не одевайся. Хочу посмотреть, как они станут глазеть на тебя, — приказал хозяин Пекла.

Девка замерла, её лицо заалело. Подхватив тряпьё, она выскочила за дверь. Волох тут же повёл её назад.

Бесы, что находились поблизости, не могли отвести от неё глаз. Они жадно разглядывали её тело, облизывались, рычали, свистели, тянули свои лапы, но трогать не смели. Девка же шла, гордо подняв голову, покачивая крутыми бёдрами. Шла медленно, давая бесам рассмотреть себя, и нравилось ей то, видно было.

Чернобог, глядя на это в окно, довольно рассмеялся. Летавица из неё выйдет знатная, вон как бесов умело с ума сводит, даже у него на миг внизу живота приятно потеплело, но так и не ожило. Ну ничего, он знал, что Волох не утерпит и завалит девку. Посмотреть тоже приятно.

Так оно и вышло. Едва дошли до темницы души, как демон прижал её к стене, скинул порты свои и начал ярить ту, что есть мочи. Оба рычали, кусались и стонали, будто дикие звери. Чернобог смотрел на них в своей чаше. Хороша девка, пусть и непокорная, но вон как страстью пышет. Может и сможет князя окрутить.

Вскоре всё стихло. Бес поправил порты, хлопнул девицу по заднице, запер клеть и ушёл насвистывая.

А вот его надобно наказать, как смеет без дозволения владыки баб ярить. Но то завтра, сегодня он доволен. Уд так и не ожил, но удовольствие своё он получил, глядя на звериную страсть этих двоих, даже сил больше стало.

Он хлопнул в ладоши, позвав бесёнка, что стоял всегда при нём.

— Прикажи Волоха позвать, — приказал он.

Вскоре в зал вошёл главный страж.

— Ну что, хороша? — спросил Чернобог у Волоха.

— Кто? — спросил тот, делая вид, что не понял вопроса.

— Та, которую ты после меня отъярил, — голос прозвучал угрожающе.

— Я бы не посмел, Владыка, — начал было тот.

Чернобог стукнул кулаком.

— Не сметь мне врать! Завтра двадцать плетей за то получишь!

Волох упал на пол.

— Прости, Владыка! Всё девка проклятая, я бы сам не в жисть! — запричитал он.

— Пошёл прочь, — отмахнулся тот.

Светозара разбудил шум. Он выглянул в окошко и увидел, как бес с девицей предавались страсти. Он поморщился от отвращения.

«Ну как так можно? — мысли в его голове метались, будто птицы. — Сама под беса легла. Кричала от страсти, рычала, будто и сама бесовка какая».

Сплюнув, он вернулся на лавку.

— Чего там такое увидал? — спросил Первак.

Князь ему рассказал. Дед, глядя на него, усмехнулся.

— Тут такое часто, — сказал он. — Сюда добрые люди редко попадают, а страсть срамная хоть и не подлость какая, а ежели совсем бездумная, то разум застит, и человек чёрное порой творить начинает и тут оказывается. А здесь таким и с бесами хорошо яриться. А уж ежели самому Чернобогу такая приглянётся, то и летавицей её сделать может. А то ужо совсем иное, — пояснил старик. — Так что привыкай. Тут всякое бывает.

— А чего ж бесы с бесицами не ярятся? — спросил Светозар.

— Да как не ярятся, ярятся, ещё как. Просто увидать не успел. Они порой прям при нас, пока мы работаем, тешат срам свой, а некоторые смотреть на то заставляют, — дед сплюнул. — Пакостное то зрелище. Пойдём лучше обратно спать, а то, как приснится такое, потом совсем не уснуть будет. Ложись, княже, работать нам завтра опять. Не думай о лишнем.

С этими словами дед отвернулся к стене и тут же захрапел. Светозар немного покрутился, да тоже наконец в сон погрузился.

Драккар

Вильфрида с утра решила придти на пристань пораньше. Кикимора и домовой накинули морок и пошли следом. Вскоре она вышла на берег, где стояло пять здоровых драккаров. Прошка и Гранька отстали на торжках, решили что-то купить в дорогу.

Ведьма стояла на крутом берегу и смотрела на реку. Суда, покачивающиеся на волнах, были огромными, на носах их высились резные головы драконов. Их длинные узкие корпуса из прочной дубовой древесины были пропитаны смолой. Вдоль бортов тянулись длинные узкие скамьи, на которых сидели гребцы во время долгих морских скитаний. Высокие паруса из грубой шерстяной ткани развевались на ветру, окрашенные в яркие цвета, с вышитыми на них родовыми знаками Эгиля, которые защищали корабли и хирд в открытом море.

Ведьма стояла и любовалась судами. Она уже представила, как стоит на носу и морской ветер бросает ей в лицо солёные брызги воды.

Она бы, наверное, ещё долго смотрела и мечтала, если бы её грубо не дёрнули за руку, вырывая из мыслей. Высокий светловолосый варяг со шрамом на лице тянул её к себе и что-то лопотал на северном наречии. Язык норманов Вила не знала, а оттого испугалась ещё больше напора мужчины.

Рядом хохотала ещё целая ватага варягов, показывая на неё пальцами, они двигали бёдрами, имитируя ярение. А тот, что со шрамом, пытался залезть ей под юбку. Среди гомона она разобрала, как некоторые, присвистывая, кричали про то, какая она ладная, предлагали ей сходить в ближайший куст. Вилька попыталась вырвать руку, но варяг лишь сильнее сжал кисть и поволок её за собой, не обращая внимания на её сопротивление.

— Я б тебя на своей секире прокатил. Ладная девка какая, — прорычал один из стоявших на берегу.

— Эй, красотка! Пойдём со мной, повеселимся! — подхватил другой.

— Не бойся, мы тебя не обидим, только немного помнём, — ухмыльнулся варяг в меховом плаще.

— Пойдём, покажу, как любят настоящие мужчины! — звал ещё один.

От страха ведьма закричала, и вдруг с её пальцев сорвалась молния. Мужик, тащивший её, тут же отскочил, испуганно уставился на девушку и снова что-то забормотал, творя охранные знаки.

Тяжело дыша от испуга, Вильфрида отскочила в сторону и прижала руку к груди. Вот и как она это сделала? Силилась она понять волшбу, что бушевала в крови, но подчиняться никак не хотела.

Норманы стояли кучкой и смотрели на неё, желание шутить у них пропало сразу. Теперь они перешёптывались на северном языке, часто упоминая Эгиля и тыкая в её сторону пальцами.

Вскоре со стороны городища подошли Прошка с кикиморой, увидев испуганную Вилу, тут же бросились к ней с расспросами.

Вызнав, что приключилось, домовой накинулся на мужиков с криками да кулаками, чуть топором не отхватил. Но тут подоспел Эгиль. Толпа, окружившая Прошку, тут же расступилась, пропуская своего ярла.

Тот грозно осмотрел собрание.

— Пойдите пока отсюда, — он отогнал Прошку и кикимору. — Что здесь происходит? — вопрос адресовался его хирду.

— Вон тот силком под юбку лезть пытался, — тут же из-за спины нажаловалась ему ведьма. — А остальные шуточки скабрезные отпускали и ржали, будто гуси в огороде.

— Врёт она! — мужик, тащивший Вильку, сделал шаг вперёд и поднял руку. — Она, ярл, сама задом вихляла, как тут удержаться-то? Пришла небось, надеясь на куну аль ленту, — как оказалось, и язык он их неплохо знает.

Эгиль покачал головой, чего-чего, а лжи он не переносил.

— За куной, говоришь, пришла, так, Рауд?

Названный Раудом кивнул.

— На браслете готов поклясться? — спросил его норман.

Тот вновь кивнул и поднял руку, готовясь принести клятву, да не успел. Эгиль выхватил свой топор из-за пояса и отсёк тому поднятую руку. Кровь хлестнула из обрубка, залив доспех ярла.

Вила тут же прикрыла рот рукой, смотря на валяющуюся отрубленную руку.

— Знаешь ты, Рауд, не терплю я лжи в своём хирде, но лгать решил. И что за ложь бывает, тоже знаешь…

По толпе пронёсся шёпот, полный ужаса. Вновь засвистел топор ярла. Вторым ударом Эгиль расколол голову Рауду. Тело рухнуло как подкошенное на землю, попутно оросив всё вокруг алой кровью вперемешку с мозгами.

Вильфрида охнула, глядя на рухнувшее почти около её ног тело, тёмная кровь брызнула на подол платья. Ей стало дурно, но она сдержалась, виду не подала. Отвернулась и отошла в сторону, глубоко вдохнула пахнущий рекой воздух да прикрыла глаза.

— Ещё кто-то что сказать желает? — ярл тряхнул секирой, стряхивая кровь и кусочки мозга с лезвия. — Нет? — он осмотрел толпу. Те стояли, потупив взоры, дошло наконец, на кого лапы наложить хотели. — Ещё раз прознаю подобное, вы знаете, что будет.

С этими словами он красноречиво указал на холодеющий труп. Хирдманы понятливо опустили головы, лишь один вперёд выступил.

— Сказать что хотел, Акке? — Эгиль остановился.

— Не признали мы, ярл, девку. Пришла раньше. Одна. Вот и подумали… А ты сразу за топор, — начал тот.

— Не за девку он головы лишился, а за ложь. А девка эта — кюна Искоростеня почти, так что выкажите должное почтение и в путь.

Хирд и правда ярлу подчинялся, тут же ведьма заверения получила, что более такого не повторится, что спутали они её, вот и вышло неловко. Она кивнула, решив не обострять, им далече вместе плыть ещё.

Свен, коренастый и рыжебородый, шагнул к Вильфриде и протянул руку, помог по сходням на борт подняться ей. Она замерла, подняв ногу над бортом, и обернулась, последний раз захотелось на городище глянуть. Тело так и валялось на земле, и ведьма отвела взгляд, посмотрела вдаль. Хоть и сам этот Рауд виновен, но ей было его жаль.

Сходни покачивались под их весом, как и сами драккары. Ведьме было непривычно находиться на ладье, и она скоренько нашла себе место на носу, где ей тут же натянули ткань, чтобы она могла спокойно прятаться от дождя и ветра.

Домовой тоже к ней нырнул, Эгиль уже рассказал хирдманам, кого они порубить хотели, и те косились со страхом на Прошку и Граньку. А вот кикимора, наоборот, на носу стояла, вдаль смотрела, любила она воду.

С берега приняли верёвку, что удерживала ладью. Сперва паруса драккара висели, словно крылья ленивой птицы. Корабль медленно заскользил по воде, влекомый течением. Команда поделилась, и половина перебралась на вёсла, они сидели на своих местах, ожидая команды.

Эгиль стоял на носу, всматриваясь вдаль. Ветер трепал его длинные волосы и бороду. Он поднял руку, давая сигнал поднять паруса.

Хирдманы бросились к верёвкам и начали их тянуть. Паруса медленно наполнились ветром и расправились. Наконец, драккар вышел на просторную стремнину. Вскоре вёсла были опущены, и гребцы сели на месте.

Эгиль зычно скомандовал:

— Вёсла!

Вёсла по команде мягко опустились в воду.

— Гребём!

Мускулистые руки, сжимавшие гладкие, отполированные ладонями рукояти, дружно сделали первое движение.

Гребцы дружно налегли на вёсла, и драккар плавно набрал скорость. Его нос, украшенный резным изображением дракона, медленно врезался в воду, рассекая её на две части. Корпус корабля заскрипел и затрещал, когда он набирал скорость. Всё быстрее и быстрее скользил он по воде, оставляя за собой пенный след. Ветер свистел в парусах, подгоняя корабль вперёд.

Гребцы затянули песню на северном наречии — красивую, мелодичную. Их голоса сливались и неслись над простором реки.

— Я думала, у вас на вёслах рабы сидят, — удивлённо проговорила Вильфрида.

— Рабы не станут работать так же хорошо, как хирдманы, — гордо кивнул Эгиль на своих соотечественников. — Они плывут за славой, за Вальгаллой, за приключениями. А раб… раб работает, чтобы его не избили. А потому гребцы всегда свободные люди. Кроме судов, которые торгуют людьми, там гребёт товар, — пояснил он с усмешкой.

Девушка удивилась такому подходу, но сочла его разумным. Прав Эгиль в том.

Она удобно присела на доски палубы и стала слушать пение хирда. Пусть слов и не понимала, но мелодия брала за душу. Закрыв глаза, Вилька даже задремала, покачиваясь в такт песне.

А вот Прошке было не до сна: ему было так плохо, что он уже не мог держаться на ногах и то и дело свешивался за борт. От его частых позывов хирдманы уже начали посмеиваться. Они беззлобно подшучивали над домовым. Тот сперва пытался скалиться, но потом понял: они всегда такие, даже меж собой. То тут, то там на палубе вспыхивали мелкие шуточные потасовки между ними, сопровождаемые бранью и дружным смехом.

Ведьма, приоткрыв глаза, как раз наблюдала за таким поединком. Свен и какой-то коренастый молодой варяг боролись, схватив друг друга за пояса.

— Ну что, Свен Бьёрн, — ухмыльнулся тот, — сдаёшься?

— Ещё чего, Йорген Кнуд, — огрызнулся Бьёрн. — Я ещё не закончил с тобой!

Кнуд рассмеялся и дёрнул Свена на себя. Тот не удержался и плюхнулся в воду на палубе. Йорген тут же прыгнул на него сверху и попытался прижать к палубе.

— Вот и всё, медведь! — торжествующе проревел он.

Но Свен оказался проворнее, чем казался. Он увернулся от захвата и перевернул противника на спину. Теперь уже Бьёрн сидел сверху и крепко держал того за руки.

— Ха-ха, — раздался хохот Свена. — Кажется, теперь тебе пора сдаваться!

Кнуд хмыкнул и попытался вырваться, но Бьёрн был слишком силён. Он потянул его за руки, перевернул ещё раз и теперь уже крепко прижал к доскам палубы.

— Ну как тебе теперь, Узел? — спросил он, запыхавшись.

— Ладно-ладно, я сдаюсь, — проворчал Кнуд. — Ты победил, медведь.

Свен рассмеялся и отпустил противника, поднялся с палубы и отряхнулся.

— Хорошая схватка, — сказал он, протягивая руку Свену. — Я рад, что ты не сломал мне шею.

— И я рад, — ответил тот, пожимая руку Йоргена. — Может, выпьем по кружке эля за нашу дружбу?

— Почему бы и нет? — согласился Кнуд. — Думаю, мы это заслужили.

К ведьме подполз бледный домовой, утиравший рот рукавом.

— Ничто-то их не берёт, — плаксиво пробурчал он и снова свесился за борт.

Вильфрида ласково погладила его по спине, ей было жалко Прошку, но и помочь ему она ничем не могла.

Свен, сжалившись над духом, принёс мех с вином, разбавленным водой, и протянул Виле.

— Вот, пусть пьёт понемногу. Это средство ромеи придумали, говорят, помогает, — отводя взгляд, проговорил варяг.

Девушка с благодарностью приняла снадобье и принялась поить им Прошку, вскоре тому и правда немного полегчало, и он свернулся в дальнем углу под навесом и уснул.

А ведьма встала рядом с Эгилем и смотрела вдаль.

— Скоро и Славутич, — проговорил ярл. — А ты знаешь сагу об этой великой реке? — спросил он.

Вильфрида покачала головой, и Эгиль начал рассказ:

— Я слыхал эту легенду от старика из дреговичей, а потому расскажу, как знаю, — сказал он. — В стародавние времена, когда боги ещё ходили по земле, а великие реки были лишь ручейками, на нашу землю обрушилось страшное бедствие. Злой змей, огромный и могущественный, обложил земли славянские данью непомерной и угнетал людей. Никто не мог справиться с ним. Но однажды надоело то богам, нашёлся один смельчак, что бросил вызов змею. Это был Сварог, бог-кузнец, могучий и искусный. Выковал он из небесной стали плуг и отправился в логово змея, — Эгиль махал руками, изображая удары молота. — Долго бились Сварог и змей, земля дрожала от их ударов. Но в конце концов кузнец победил того да впряг его в свой плуг. И пошёл пахать землю, делая глубокие борозды, — и снова он изобразил, как бог землю на змии пашет. — Из тех борозд и появилися великие реки: Славутич, Итиль и Тана. А из земли, отброшенной при пахоте, поднялись пороги и валы вдоль реки, которые люди назвали Змиевыми.

Вильфрида с удовольствием слушала рассказ северянина и любовалась его профилем в свете солнца. Тёплый ветерок приятно обдувал лицо, пахло тёплой водой, тиной. На миг она даже забыла о невзгодах.

Как тут рука Эгиля обвила её стан. Вила оттолкнула варяга, сердито нахмурила брови.

— Ты это чего удумал?! — спросила она того.

— Прости, — он виновато опустил глаза, но искорки веселья выдавали его настроение. — Больно уж ты хороша, не сдержался.

Ведьма покачала головой.

— Не тяни лапы боле, не надо.

Эгиль кивнул, пряча усмешку. Злость ведьме тоже шла к лицу, вон как разрумянилась.

Вила отошла к Прошке, тот спал, подложив кулак под голову, бледность почти спала. Она погладила вихрастую голову. «Мается из-за меня», — подумалось ей.

На другой стороне драккара весело смеялась кикимора. Выглянув из-за полога, ведьма поняла, что она там играет в странную игру. Подойдя ближе, Вила решила понаблюдать за игрой.

На деревянном пеньке стояла доска для игры, разделённая на квадраты. Играли бобами и горохом, заместо фишек. Напротив Граньки сидел могучий варяг с огненно-рыжей бородой.

Кикимора подтрунивала над рыжим:

— А я тебе говорю, я умею играть лучше тебя, смотри! Так-так и так! — она ловко передвинула свою горошину.

Тот лишь досадливо крякнул:

— Я лучший игрок в хнефатафл!

— А если я морок использую, что тогда делать станешь? Ты разве не знаешь, как мы любим пускать пыль в глаза?

— Да хоть сам Локи пусть за тебя играет! — рыкнул мужчина.

Кикимора кивнула и вновь сделала ход, переместив свою фишку на соседнюю клетку. Мужчина нахмурился и задумался. Он был искусным игроком, но кикимора лукавила, пользовалась мороком, который давал ей преимущество в игре. Она могла видеть на несколько ходов вперёд, предсказывая действия противника. Могла зачаровывать свои фишки, делая их неуязвимыми для атак варяга.

Варяг, несмотря на свой опыт в игре, с трудом спасал свои фишки от кикиморы. Её же горошины неумолимо приближались к его Хнефу, угрожая скорой победой. Но рыжий не сдавался. Он был умелым игроком и не мог позволить себе проиграть нечисти на глазах всего хирда. Игра затянулась уже на несколько часов. Наконец, когда начало уже вечереть, варяг сделал решающий ход. Он пожертвовал одним из своих самых важных бобов, чтобы заблокировать Хнефа кикиморы.

— Ты сжульничал! — раскричалась она.

Варяг лишь громко расхохотался, откинув голову назад и обнажив крепкие белые зубы. Гранька смахнула свои горошины и, обиженно махнув подолом льняного платья, ушла, вызвав громкий смех хирда.

Вильфрида тоже усмехнулась и пошла догонять кикимору. Та сидела на краю борта и болтала ногами, обутыми в расшитые зелёным узором кожаные сапожки.

— Он жулик! — тонкий её палец ткнулся ведьме в грудь. — Точно тебе говорю! Я и морок, и уловки, а ему всё ни почём! Жулик как есть!

— А может, он просто хорошо играет, и боги его за то ему победу отдали? — усмехаясь, спросила Вила, присаживаясь рядом на груду шкур, сваленных на борт.

— Я не понимаю, ты за меня или за него? — обиженно отвернулась Гранька, надув губы и смахнув зеленоватую прядь с высокого лба.

— Я за честные победы. Пошли лучше спать, темнеет уже, — позвала она кикимору.

— Как там Проша? — спрыгнув на палубу, спросила Граня.

— Спал, когда я уходила, а как сейчас — не знаю. Вот и проверим, — позвала она кикимору, поправляя на ходу кожаный пояс с висящим на нём кошелём, попутно проверив, на месте ли чур.

Хирдманы тоже укладывались спать, гребцы сложили весла, подогнав драккар к берегу. Выходить не стали, решив, что на палубе спать безопаснее. Эгиль расставил дозоры и проверил гостей. Те уже расположились под навесом и тихо что-то обсуждали. Он не стал им мешать. И шедшего туда же Елизара отправил обратно на тот драккар, где он плыл до этого.

Вильфрида успела заметить появление воеводы и мысленно поблагодарила ярла за заботу, встречаться с тем желания у неё пока не было.

Прошка уже проснулся и теперь ворчал, что все пироги в его сундуке пропали и ему пришлось отдать их рыбам, а сам сундук неимоверно вонял тухлятиной. Его ворчание вызвало у ведьмы смех, на который домовой сильно разобиделся и теперь сидел к ней спиной, что-то бурча под нос и потирая ушибленный во сне бок.

Спать ему совсем не хотелось, и он отправился на берег, чёрным котом скользнув мимо стражи. Идя вперёд, он вдруг заметил странную тень и бросился за ней в кусты.

Любославка

С утра князь оглядывал вереницу душ, выискивая Гостомысла, но того не было видно. Его взгляд скользил по сгорбленным спинам, измученным лицам и испачканным в чёрной копоти телам.

«Видать, сильно досталось, — подумалось Светозару. — Как он там?»

Но подгонявшие бесы не давали возможности много думать, приходилось перебирать ногами и следить, чтобы никто подножку не поставил. За мелкие пакости бесы поощряли, и таким шутникам доставалось меньше ударов кнутом. Вот и старались как могли, а оттого чернели ещё больше. Глаза их загорались недобрым огнём, а рты растягивались в злобных ухмылках. И сами они уже походили на бесов боле, чем на людей.

Вздохнув, князь перехватил тяжёлое ведро поудобнее и пошёл вперёд, всех не спасёшь, это он помнил.

Первак семенил следом, его маленькие глазки бегали по сторонам, с постным лицом наблюдая за происходящим вокруг. Видя думы Светозара, он молчал. Пущай подумает. Может, наконец сможет понять, куда попал, да начнёт кумекать, как отсюда выбраться.

А Гостомысл, оставленный в темнице, лежал на каменной лавке и смотрел в тёмный потолок, на котором виднелись красные блики.

Думалось ему разное, в основном вспоминал дом, где его всегда ждала жена да дочери.Как они там сейчас? Особенно Нежданка, небось прознал князь про её помощь.

Вспоминал, как правил Любичем, как все ему кланялись в ноги, оказывая почтение и повиновение. Хорошие были времена тогда. И зачем он решил князя предать, власти мало ему стало? Начало ему казаться, что-то не сам он придумал, а кто-то злой и коварный ту мысль чёрную в его голову вложил.

«Так и есть! Не мог я сам такое придумать, нет! — билось в его голове. — Не такой он, наместник Гостомысл!»

Чернобог, наблюдая за тем, как мечется душа наместника, лишь ухмылялся, обнажая белые крепкие зубы. Он любил смотреть за такими метаниями в свою чашу. Это было ещё одно мучение для тех, кто попал в Пекло.

«Любят люди свои деяния на других переложить, — думал он. — Вечно у них бесы, боги, да ещё кто виноват. От того и беды их все, что нет своего мнения. От того и так легко сбить их с пути верного, чёрные мысли насадить в головы».

Вспомнилась ему вчерашняя девка, как радостно та согласилась князя окрутить, лишь бы самой жилось лучше. В этом и есть вся суть большинства людей, думают они лишь о себе.

Он усмехнулся и вновь уставился в чашу, глядя на лежащего без движения наместника. Думы того отражались на чёрной поверхности воды:

«Нежданка бросилась вниз по широким ступеням, завидев, как отец на чалом коне въехал в ворота. Закричала от радости, на шее его повисла. Красимила же стояла рядом с матерью и смотрела, как тот идёт к терему. Всегда такая степенная, важная, как и пристало дочери наместника. А вот Нежка всегда была необузданной, дикой. Как и он сам. Оттого и любил он нежданную дочь больше. Видел в ней себя таким, каким был до высокого поста, дарованного князем.

Неждана, как и Гостомысл, любила утехи плотские и с 15 лет, едва впрыгнув в поневу, уже с воями на Купалу папоротников цвет по кустам искала. Домой приходила румяная, довольная. А вот Красимила берегла себя, мужу отдать хотела всю ту страсть, что кипела в молодом теле.

Вспомнилось ему, как однажды нашёл он Нежку на сеновале, та лежала под крепким парнем из городища и царапала, будто дикая кошка, его спину. А тот ярил её, будто в последний раз. Гостомысл тогда тихо ушёл, будто и не видал ничего. А вечером и сам сенную девку в клети зажал, так захотелось ему тела молодого да горячего, что, задрав той юбку на голову, принялся её сношать прямо стоя. Будто жеребец кобылу.

И как дочь подружек своих водила в баню, зная, что отец смотреть на них ходит, а потом тех, что попроще, подловит за баней да предложит им страсти предаться. Многие соглашались. Кто за ленту алую, а кто просто из страха отказать наместнику. Многие из них от него понесли, но придти побоялись. Говорили, мол, бога встретили. Сколько таких его чад бегало по Любичу, и сам Гостомысл того не знал.

Он бы и сейчас был не против какую девку на лавке разложить, но некого было. Мучался он от того. И зачем Чернобог не забирал желания плотские, оставлял душам их? Видать, чтобы сильнее им тут маялось.

Он закрыл глаза и вспомнил девку, что у них служила. Как однажды, спустившись вниз воды испить, увидел ту спящей, с задранной юбкой, что белые её ноги полностью оголились. Прямо там же и подошёл. Загашник портов развязал и, как была та спящей, так и принялся её

ярить. Проснувшись, девка было вскрикнула, но, поняв, кто на ней, покорно приняла участь, лишь ноги шире раскинула, чтобы ему, значится, удобнее стало.

И откуда в голове-то всё? Только об одном сегодня и мыслит. Даже вон в портах тесно, как хочется ему девку белую да крепкую на уд свой поймать».

Чернобог расхохотался, знал бы сейчас наместник, откуда те мысли, наверное, б ужаснулся. Но для того, чтобы вызнать, как к князю подойти, девка должна была знать, что тот любит, а кто окромя наместника тут знает Светозара лучше. Оттого и горячил он мысли Гостомысла, чтобы, когда та придёт, он был готов всё рассказать, лишь бы предаться с ней утехам жарким.

А наместник всё вспоминал жизнь свою. Как первый раз жену увидел на Купалу, как с той детей зачинали. Но жена всегда была холоднее, чем девки простые, а оттого он чаще уходил и искал утех на стороне, чем в постели Милорады. А та вроде как и не против была. Вела хозяйство да дочерей воспитывала. Но жена его была хорошей, рукодельница, красавица, лишь в постели холодна как лёд. А оттого он её менять и не спешил, да и наложниц в дом не брал, так всякого хватало.

Как-то она там? Привычная жить в тереме, сейчас небось у вдовы какой с дочерьми ютится. И не видать Нежданке не то что князя, а даже наместника в мужья аль купца. Всю жизнь сам же своей любимице и испоганил.

Вздохнув, он заворочался на лавке. Нет, такие мысли ему точно бесы принесли, а то и сам Чернобог, чтобы меч заполучить. А как не вышло, вот и озлобился. Или мстит за его мысли непотребные о Маре. Пусть и бывшая, но всё же жена.

Рассечённая кнутом спина заныла, отогнав все мысли. Гостомысл застонал и сел. Снова вздохнул, ну хоть на работу не погнали, и то хлеб. Отпив воды из бурдюка у стены, снова улёгся, но уже на бок. Подложил руки под голову и прикрыл глаза. И было уже почти уснул.

Как ему вдруг показалось, что дверь тихо заскрипела. Он подскочил, от чего раны на спине разошлись. Зашипел от боли и уставился на девку, что стояла в дверном проёме.

— А ты ещё кто такая? — спросил наместник, подслеповато щурясь.

Лица девки было не разглядеть, но фигурой она была хороша. Крутые бедра, высокая грудь.

— Любославкой кличут, — раздался низкий грудной голос, от которого по коже Гостомысла побежали мурашки.

— И зачем явилась, Любослава? Чего не на работе? — недоверчиво поинтересовался наместник.

— Приказали тебе раны мазью покрыть, чтобы скорее к работе мог вернуться. Дозволишь?

Как и раньше, к нему обратились уважительно, дозволения испросили. То приятно согрело самолюбие Гостомыслово.

— Ну коль приказали, — медленно протянул он. — А кто приказал-то?

— Так Волох. Но сказал, что надо тайно, а то Владыка прогневается.

Гостомысл кивнул, не от Чернобога, значит, то и хорошо. А то от того любой подлости ждать можно.

— Ну проходи, коли так, — он подвинулся, освобождая место рядом с собой.

Девица скользнула тенью и опустилась на лавку. Её прохладная ладонь мягко опустилась на спину наместника. Начав втирать мазь, она тихо заговорила:

— Бедный, пострадал за правду…

Её вкрадчивый голос успокаивал, почти убаюкивал. Нежные прикосновения вновь пробудили в Гостомысле жар чресел. Так и хотелось обернуться, смять мягкие податливые губы, будто ягоду малины, задрать ей юбку.

Мужчина одёрнул свои мысли, ишь о чём размечтался. Такое душам не дозволено, девка ни за что не согласится ради него спиной рисковать.

А Любишка, чувствуя, как он напрягся, невольно усмехнулась. С этим точно просто будет. Видела, как он её рассматривал. Как его глазки маслянистыми стали, а толстый мясистый язык принялся облизывать губы. Её даже передёрнуло от отвращения, но приказ есть приказ. Придётся изображать страсть.

Гостомысл заметил, как она резко дёрнулась позади него.

— Что такое? — тут же спросил он.

— Да что-то озноб взял, как представила, сколько боли ты испытал, — дрожащим голосом солгала девушка.

Мужчина вздохнул, жалеет его. А ещё содрогается то ли от ужаса, то ли от омерзения. Нет, с этой ему не светит полежать на лавке.

Вскоре спина была намазана, но девка уходить не спешила. Сидела, край юбки нервно теребила.

— А расскажи мне о Любиче, — даже на миг в его голове не мелькнула мысль о том, а откуда ей знать, кто он таков. Казалось ему, что это все должны знать, и оттого он важно приосанился и начал говорить.

— Красивое городище, большое. Избы в нём крепкие стоят, высокие. А по вдоль устья Шейки да Славутича бани стоят. Как затопят их, так и курится ароматный дымок, — он прикрыл глаза, вспоминая город. — На торжках шумно завсегда, купцы со всех сторон съезжаются. Можно там купить и ленты шёлковые, и красивые византийские кувшины, и пояса, серебром шитые.

— Прямо-таки серебром? — подивилась Любишка.

— Прямо-таки. А какие очелья мастера привозят да купцы. Ткани разные. Мехов не перечесть. Даже вином ромейским там торгуют.

Девушка мечтательно вздохнула.

— А у меня вот никогда не было лент и очелий.

— Ежели б ты в Любиче жила, я бы тебя в серебре купал, — залился будто соловей Гостомысл.

— Да ты б меня даже и не приметил, — отводя взгляд, зарделась Любишка.

— Да как такую красу не приметить. Я всех красивых девок знал. Князь же суженую искал, ну а я помогал, так что все красавицы перед моим взором были, а некоторые и не только пред взором, — усмехнулся наместник.

— С таким мужчиной возлечь, наверное, честью для них было, — задумчиво проговорила девица.

— Того не знаю, но редкая отказывалась, — он приосанился, сидя на лавке, и даже осмелился вскользь тронуть бедро Любославы.

А та вроде как ближе подвинулась, её горячее дыхание коснулось шеи наместника. От чего тот совсем голову потерял. Набросился на неё, будто дикий зверь, подгрёб под себя. Зарычал, целуя её губы.

Девка упёрлась руками в грудь Гостомысла и жарко зашептала:

— Тише ты… Услышат. Накажут тогда! — её дыхание сбивалось, то ли от жара, то ли от страха.

Лицо Любишки раскраснелось, волосы растрепались, но девка противилась. Кнута боялась шибче, чем хотелось ей мужика видать.

— Да мы тихонько, — разум наместника отключился, он сейчас ничего пред собой не видел, окромя девки.

— Боязно мне, а ежели и меня кнутом, за меня-то князь не заступится! — забормотала она.

— Светозарка-то? Он добрый, бабу в обиду точно не даст! — хохотнул Гостомысл. — Даже если у него мыслей срамных нет к той, всё равно защищать полезет. Сколько девок в Любиче рады были бы с ним за кустом поваляться, но он всё суженую искал. Нет, он, конечно, иногда сенных девок брал, — наместник усмехнулся. — Природа-то своё просит, но чтоб вот так, как я, к примеру, от одного вида девичьего за ней аки пёс идти, такого за ним не водилось.

Любослава запомнила слова наместника, значит, надо иной подход искать, так просто он на неё не полезет. Но главное узнала, как его внимание на себя обратить можно. Но уходить не спешила, авось ещё чего вызнает.

Рука Гостомысла поползла вверх по её ноге, девица сжала колени. Коль уж начала играть недотрогу, стоит продолжить игру и дальше. Уж она-то хорошо знала, как распалить мужчину.

— Значит, говоришь, холоден князь, но благороден?

— Навроде как да, не то чтобы не любил дело то, но предпочитал искать девку неведомую, чем тех, что подле, тискать, — он тяжело дышал, пытаясь раздвинуть ноги.

— А ты горяч, — решила сменить тему, чтобы подозрений не вызвать. — Но так мне страшно!

— Не бойся. Ежели Волох прознает, молчать станет, сам тебя же прислал.

А это плохо, помнил он даже в пылу про её ложь, придётся ложиться под этого борова. Она еле сдержала тошноту, представив, как он завалится сверху.

Но наместник был нужен для их с Владыкой плана, а потому она чуть расслабила колени, и рука тут же рванула под юбку. Больно сжимая её, он мял то, что находилось меж её ног. Слюнявые его губы нашли её, а потом грудь. Ей казалось, что по ней прополз огромный мерзкий слизень. Зато дышать тяжело было просто, пытаясь сдержать дурноту, она жадно хватала воздух ртом.

Гостомысл же принял это за жар страсти и усилил напор. Наконец он повалил её на лавку и встал перед ней. Подёргался несколько минут, излился и упал рядом.

— Ох, горяча ты! Как юнец за минуту справился, — рассмеялся он.

Любослава поправила юбку и села ровно.

— Такое бывает, когда Ярило в крови бушует, — сказала она, поправляя косы. — Пойду я, а то Волох искать станет.

— Приходи ещё, подольше поярimся, — хлопнув на прощание девку по заднице, гоготнул наместник.

Выйдя наружу, девушка сплюнула: «Фу, ну и мерзкий старикан, а всё туда же!». Рыхлый, как опара, потом воняет и старостью. Её наконец стошнило. Наблюдавший со стороны бес тут же подскочил к ней и пристроился позади, наплевав на то, что там всё другим залито.

— Узнала что? — спросил он, хлопая по её ляшкам когтистой лапой и наяривая что есть мочи.

— Узнала, но немного! — уставшая девка хотела скорее помыться, а тут этот ещё. Хорошо, что тоже быстро справился.

Приведя себя в порядок, отправилась к Владыке, что уже ждал её. Распалённый увиденным, он и сам решил сперва девку оприходовать, а потом уже говорить. Не часто его корень так крепко стоял уже.

А потому едва она вошла, как оказалась на троне, загнутая с поднятой юбкой, а Чернобог уже свой уд в неё пихал. Но с Богом-то даже приятно вышло. Сам владыка решил её потешить. А как закончил, даже похвалил, мол, молодец, чистая пришла, знала, как порадовать его. А потом он сел на трон и приказал ей говорить.

Любослава присела у ног Владыки и стала неспешно рассказывать, что ей удалось вызнать у Гостомысла. Чернобог молча слушал, думал о чём-то, глядя в окно. Его взгляд был устремлён вдаль, словно он видел нечто недоступное другим.

— Значит, говоришь, мало удалось узнать? Но ежели тебя высечь, гляди, и заметит тебя, а там уже за тобой дело станет. Но то потом, — он откинулся назад, и его трон слегка заскрипел под его тяжестью. — Сейчас на землю тебя отпущу. Надобно одного воеводу страстью опутать. Чтобы голову совсем потерял. Справишься? — он посмотрел на девку, и его глаза, казалось, потемнели, как сама ночь.

Та тут же закивала. Чего ж не справиться, особенно если такой же сластолюб, как наместник.

Чернобог провёл рукой над её головой, и вдруг она в себе силу дивную почуяла. Захотелось ей на всех мужиков, что есть, залезть сразу и силу их пить через яринье. Чтобы отдавали ей семя своё, а с ним и дух.

— Ступай! — велел Чернобог, и его голос эхом разнёсся по залу.

Волох проводил её до места, где она на Русь выйти могла, почтительно поклонился и даже боле щупать не стал. «Боится, — подумалось ей. — И пусть боится! Она теперь им не просто девка!»

И Любослава вышла на берег реки, чувствуя, как новая сила бурлит в её жилах. И тут же тихонько заголосила, начала помощь просить. Сразу поняла, как сделать так, чтобы лишь нужный её услыхал и пришёл.

Вскоре кусты затрещали, и на поляну вышел статный мужчина. «Хорош собой, с таким приятно будет, — подумала новоявленная летавица и облизнула губы. — Иди же сюда, чего стоишь?». Мужчина будто услышал её призыв и тут же шагнул к ней… И вдруг рухнул как подкошенный…

Летавица

Елизар, хотевший поговорить с Вилой, обиженно сидел на борту драккара, подперев голову рукой. Мысли его крутились вокруг северянина и его поступка. Он спрыгнул на палубу, покружил немного и сел обратно.

«Да что он о себе возомнил? — поведение Эгиля его злило, тот не подпускал его к ведьме. — Ну ничего, Светозар вернётся, он ему покажет!».

Мстительные мысли рисовали страшные кары для северянина: он представил, как подвесит Эгиля на его же корабле и оставит на растерзание воронам, как сожжёт его драккар и как вырежет всех его людей. Князь, конечно же, одобрит, никому не дозволено его воеводу оскорблять.

Воевода усмехнулся в пышные усы и тут услышал тихий крик, зов о помощи. Кричала девушка. Звук доносился с берега. Он осмотрелся: варяги вповалку спали на палубе, и лишь двое часовых стояли на носу. Спрыгнул в воду и бросился к берегу.

Там, ломая кусты, будто медведь, он кинулся на зов. Выбежал на поляну и увидел девушку красоты такой, что никакая ведьма ему стала не нужна.

Пшеничные волосы волной падали до поясницы, огромные светлые глаза, полные слёз, губы, мелко дрожащие от испуга, но так и манящие. Высокая грудь, что тяжело вздымалась...

Улыбка тронула губы Елизара, он шагнул к протянувшей к нему руки девице, будто толкнул к ней кто, и тут свет в его глазах померк.

Прошка, разобидевшись на воеводу, решил по бережку походить. Вдруг мимо него тенью мелькнула летавица. Домовой рванул вслед и выскочил из кустов.

Перед ним стояла летавица, притворившаяся девицей в беде. Она заманивала к себе Елизара, который, как дурак, улыбался и шёл к ней.

Подхватив первое попавшееся полено, Домовой огрел им воеводу по голове. Елизар упал, как подкошенный.

Летавица тут же скинула морок и предстала в своём истинном обличье. Она скалилась, тянула когтистые руки и рычала:

— Зачем ты мне мешать пришёл? Не твой хозяин, так с чего в защиту кинулся?

— А зачем нам на ладье тобой одержимый? — в свою очередь спросил Прошка. — Чего задумала, а ну говори?! А не то…

— Что не то? Вы в дому сильны, а на земле от вас толку немного, — рассмеялась бесовка.

— Плохо ты домовых знаешь, бесовская душонка, — Проша перехватил свою дубину поудобнее. — Мы и на земле можем за себя постоять.

— Не лезь, куда не звали, — начала злиться летавка.

— А ежели звали?

И вдруг будто рука схватила бесовицу и утащила в чёрную дыру. Домовой покачал головой. Не обошлось тут без тёмных богов, их рука то и дело. Но зачем им воевода — непонятно.

Повернулся и пошёл обратно, Эгиля звать. Сам-то он Елизара на драккар не затащит. Но первым Свена увидал, тому и рассказал, что видел. Варяг почесал бороду и отправился на берег. А вскоре приволок на плече воеводу.

— Хорошо ты его приголубил, — рассмеялся он, поглядывая на Прошку с уважением. — Мал ты, гутгин, но силён, — хотел было хлопнуть по плечу, но вместо того просто руку протянул.

Домовой даже грудь важно выкатил: сам северянин силу его признал. Пожал протянутую ладонь, больше похожую на лапу медведя, и тоже рассмеялся.

— Я и не так могу, когда злой, — считай, как берсерк ваш!

— Берсерк, — поправил его Свен и мотнул головой, подмигивая. — А эль также силён хлебать?

Прошка радостно закивал: хлебать медовуху он был мастак. Северянин тут же свалил воеводу кулем на палубу, вытащил из-под лавки меха с элементами и, пошарив там же, достал две деревянные кружки. Разлив, он протянул одну домовому.

На шум поднялся Эгиль.

— Чего не спите? — он потёр сонные глаза.

В два голоса Прошка и Свен начали рассказ. По мере их повествования лицо ярла мрачнело. Ещё этого им не хватало. Надо было что-то делать. Решили разбудить ведьму. Той всяко виднее, как с нечистью бороться.

Вильфрида выползла из-под полога и уставилась на них непонимающим взглядом. Рассказ повторили. Теперь и Вила стояла мрачнее тучи.

— Чернобог-то, больше некому. Он летавками да бесами правит, — наконец заговорила девушка.

— А делать-то что? — спросили три мужских голоса.

— Следить лучше, ну и знаки обережные на бортах нарисуем. С кораблей не сходить, — решила она, — покуда остров не сыщем. Иного выхода я не вижу.

На том и порешили. Вильфрида отправилась досыпать, мужчины тоже, нечего пьянствовать, когда такое творится, решил Эгиль.

Прошка такому решению был не шибко рад, но понимал, мера-то необходимая. Забравшись под бок ведьмы, он лёг и уставился на натянутую ткань. «Вот же паскудная бесовка, решила с ним потягаться. Но почему её обратно утащили? Неужто его спужался сам владыка Пекла?» — мысли текли нестройными рядами, и вскоре домовой уснул.

Ночь прошла тихо, лишь наутро раскричался Елизар, что его кто-то по голове приголубил. Карами от Светозара грозил северянам. Те лишь посмеивались над ним, а вскоре и ведьма на шум вышла.

— Чего разорался? Тебя, между прочим, от летавицы спасли. Там бы в кустах и издох, ей всю силу отдав свою! — грозно сверкнув очами, произнесла Вильфрида. — Сколько же в тебе чёрного, Елизар, что бесовка к тебе подобраться сумела? Смотри, чтоб твою голову князь не снял. А уж потом другим тем грози!

Вскоре прибыл наместник, которого Елизар оставил за городищем следить. Это был немолодой уже мужчина, с седыми волосами и бородой. Он был одет в простую рубаху и штаны, а на поясе у него висел меч.

Наместник поклонился Эгилю, стоявшему на берегу, и сказал:

— Доброго здоровья, ярл! — сразу отметив, кто перед ним, начал мужчина. — Я слышал, что вы прибыли с княжеским воеводой и невестой князя Светозара. Добро пожаловать в Любич. Меня зовут Власом, — представился он.

— Благодарю тебя, наместник, за то, что встретил нас лично. Я Эгиль Ульв, сын Одда Рауда, конунг Тронхейма, — ответил северянин и добавил. — Мы прибыли с миром.

— Я рад это слышать, — сказал Влас. — Прошу вас, следуйте за мной. Я отведу вас в терем, баню уже готовят. Отдохнёте с дороги, а потом и о делах говорить станем, — проявил он радушие.

Проведя гостей к терему по узким улочкам города, привёл он их к терему, где жил с семьёй. Там наместник усадил гостей за стол и приказал девкам принести еду и питьё.

— Расскажите мне, что привело вас в Любич, — попросил он.

Эгиль рассказал наместнику о том, что произошло с ними в пути. О том, как, спасая земли, пропал князь, да о желании ведьмы побывать в доме, где родилась. Наместник слушал внимательно, а когда Эгиль закончил, сказал:

— Что ж, к дому девушку проводят уже завтра, пусть осмотрится. Мать её давно померла, но могилка имеется, — показывал он хорошую осведомлённость в делах града. — Припасами в дорогу поможем, ежели надобно, хотя и у самих немного.

— Благодарю тебя за гостеприимство, — сказал северянин. — Мы пробудем в Любиче несколько дней, ежели ты не против, а затем отправимся дальше. Припасы у нас имеются, а ты, Влас, лучше горожан корми.

— Оставайтесь, на сколько требуется, нам в тягость не будет, — заверил их наместник. — Я распоряжусь, чтобы вам выделили лучшие покои, а пока предлагаю попариться и потом попировать.

После бани и пира все разошлись по отведённым им покоям. Хирд Эгиля расположили в дружинной избе.

Эгиль, идя наверх, смотрел на поднимающуюся перед ним Вильфриду. Уставшая, она между тем с нетерпением ждала утра, о чём не раз упомянула на пиру. Ему было интересно и самому, что же она сможет узнать, побыв в доме родичей.

В светлице ведьма упала на постель, застеленную шкурой медведя, и достала из мешочка чура. Тёмные глаза так и манили.

— Кто ж ты таков? — спросила она у него, будто ожидая услышать ответ. Но, само собой, чур ей ничего не ответил. Она сжала фигурку и улеглась. Закрыла глаза и погрузилась в сон.

«Всё тот же мужчина шёл по тропе средь высоких елей. Лицо, сокрытое под капюшоном, не было видно. Бушевала страшная гроза, но, казалось, ему всё нипочем. Вновь она вошла за ним в терем. Но в этот раз он не стал садиться в кресло, спустился вниз по деревянным

ступеням. Под теремом было ещё одно помещение. На стенах висели травы в пучках, лежали кости животных. А по одной стене тянулись ряды решётчатых дверей. За ними была темнота. И лишь за одной Вила увидела девушку. Бледная, та цеплялась за прутья и молила о пощаде. Но мужчина её не слушал.

На миг Вильфрида отвлеклась, ей захотелось рассмотреть девушку.

Её длинные чёрные волосы были растрёпаны, а огромные заплаканные глаза наполнены ужасом и страданием. Девушка цеплялась за прутья двери и умоляла о пощаде, её голос был уж слаб и хрипел, как будто она долго кричала.

Вила не смогла видеть лица, потому что то было скрыто за прутьями. Но зато она видела её глаза, и в них читался такой ужас, что у ведьмы мурашки побежали по коже.

А предок стоял и смотрел в тёмное зеркало, невесть откуда взявшееся на стене. И тут вновь послышался стук в дверь. Мужчина начал поворачиваться…»

В этот момент Вила проснулась раньше, чем успела увидеть его лицо. Она лежала на кровати в своей светлице. Гроза и впрямь бушевала за окном, и раскаты грома эхом отдавались в её ушах. Ведьма села на кровати и обхватила голову руками.

Она всё думала, кто же он такой и почему ей никак не удаётся разглядеть его лицо. А главное — зачем он удерживает ту девушку? Но, может, она жрица Мары или ещё какого тёмного бога? Вопросов было гораздо больше, чем ответов, которые ведьма могла найти или придумать.

Решив, что всё станет понятнее утром, Вильфрида легла обратно и вскоре уснула.

Разбудил её домовой. Он нервно дёргал её за рукав нижней рубахи и бормотал:

— Вилька!!! Тама Елизар воду мутит. Наместнику шепчет, мол, хочет Эгиль князя свергнуть.

Ведьма подхватилась, быстро натянула на себя одежду и спустилась вниз. В трапезной и впрямь уже обосновался воевода и что-то горячо шептал Власу.

— Доброго здоровья! — громко произнесла Вила.

Елизар аж вздрогнул от её голоса, что не укрылось от глаз наместника. Он прищурился, но промолчал.

— С утра уже на ногах? — продолжила ведьма и присела на лавку, наливая простокваши из высокого узкого кувшина.

— Та вот, кумекаем с Власом, как князя спасать, — начал воевода.

— А что кумекать? Ты или он, — она кивнула в сторону наместника, — в Пекло пройти способны? Али, где Буян лежит, знает кто из вас?

Мужчины молчали.

— Вот то-то же! — отпивая, проговорила Вильфрида. — Без Эгиля нам никак. Не мути воду, воевода! Или же ты хочешь, чтобы князь твой сгинул у Чернобога? — прищурила она свои пожелтевшие глаза.

— Да что ты такое мелешь?! — замахал тот руками.

— Тогда думай, что делаешь. Совсем уже ополоумел, я смотрю. Что корень в штанах сдержать не можешь, к невесте князя лезешь, что язык!

Наместник усмехнулся в бороду. Хороша девка, как ловко место указала воеводе. Ещё не княгиня, а уже смогла себя выше поставить. Ладную нашёл Светозар невесту. Эта хорошо с ним править станет. Но вновь промолчал, лишь хитро поглядывал из-под густых бровей.

Вила позавтракала и собралась в дом родичей. Выйдя на улицу, она зажмурилась от слишком яркого, после тёмного терема, света. Пахло травой и нагретой солнцем землёй. Глубоко вздохнув, она дождалась провожатого и пошла за ним по узким улочкам Любича.

Разглядывала избы, горожан, спешивших по своим делам. Вились дорожки, вымощенные булыжником. По обеим сторонам теснились деревянные дома с резными наличниками и крылечками. Окна были украшены яркими расписными ставнями.

По улицам шли горожане, занятые своими повседневными делами. Женщины несли на коромыслах воду из колодца, мужчины отправлялись в мастерские, дети играли на улице. Горожане дружелюбно улыбались Виле и здоровались с ней — знали, кто такая. Она чувствовала себя так, словно вернулась домой после долгого путешествия.

Ей казалось, что всё это она уже не раз видела, но того просто не могло быть. Но и сама ведьма невольно начала улыбаться людям.

Вскоре провожатый остановился и указал рукой на дом.

— Пришли, — рыжеватый паренёк, видимо, мать его с варягом где-то полежала, указал на избу.

Та была сложена из крепких когда-то брёвен, но от времени и непогоды обветшала да почернела. Крыша, считай, провалилась, а стены были покрыты трещинами и поросли мхом. Видно было, что давно нет тут руки хозяйской. Вокруг неё рос бурьян, а сад позади избы зарос дикими травами. Там же стояли пустые, разбитые улики, из которых давно улетели пчёлы.

Внутри изба была тёмной, грязной. Тут и там висела паутина, седыми прядями свешиваясь с потолочных балок. Сквозь дыры в крыше пробивались лучи света, освещая и тенета, и грязные стены. Утоптанный земляной пол уже порос травой, а лавки и стол почти совсем развалились.

В дальнем углу стояла печь, которую давно не топили. Даже признаков домового уже не было видно, видать, сгинул вместе с домом. В избе было несколько окон, пузыри, что раньше затягивали их, теперь висели рваными лохмотьями. Вила откашлялась от пыли и огляделась. Ей было трудно поверить, что её родичи жили в таком месте.

Она прошла вглубь избы и остановилась у окна.

Сквозь щели в брёвнах она увидела заросший сад и пустые ульи. Ей стало грустно и одиноко. Она чувствовала себя так, словно потерялась в чужом мире. И как тут что можно сыскать, нет же ничего, хорошо хоть чур уцелел.

Она уже было собралась уходить, как вдруг взгляд её зацепился за полочку, упавшую возле печи. На таких обычно и стояли родовые чуры. Она прошла к ней и подняла несколько фигурок. Те выглядели совсем иначе, чем тот, что принёс ей Беловид.

Чёрные, закопчённые от времени, очень грубо вырезанные чуры лежали в её руке. «Странно, почему ухаживали лишь за одной?» — подумалось ей.

Да и разница в качестве и искусстве резьбы была очевидна. Разные руки резали эти фигурки. Но, может быть, та, что у неё, просто новая, кто знает.

Она сунула и свою находку в мешочек на поясе и поспешила на улицу. Решила, что расспросит Власа о том, кем были её мать и отец.

Наместника она нашла в тереме, он сидел за столом и обедал. На её просьбу рассказать о матери радостно согласился. Поговорить он явно любил.

— А что тут расскажешь, — начал Влас, жуя ножку зайца. — Мать твоя красавица была, как ты совсем. Многие парни за ней в городе бегали, но выбрала она кузнеца. Хорош он был собой, румяный, широкоплечий, да и дела своего мастер великий. Жили хорошо. Поперву.

На этих словах он помрачнел, будто что нехорошее вспомнилось. Обтёр усы широкой ладонью и дальше начал говорить:

— А потом в городе пришлый появился. Красавец. Не из наших. Весь чернявый. Но и не хазар, аль ромей. Кто он таков, так и не вызнали. Вот он-то и повадился к матушке твоей заглядывать.

Вильфрида задумалась. И она сама чернявая, уж не он ли её истинный отец, этот самый пришлый мужик? Но решила дослушать, что расскажет Влас.

— А потом ты народилась. И запил батька твой. Бажан так-то мужик смирный был, а тут как с привязи сорвался. Бить стал Любавку, да так, что та чёрная потом неделями ходила.

А как-то раз совсем осерчал, она тебя схватила и сбежала. А обратно вернулась уже одна и совсем без разума.

Девушка вздохнула, куда пропала она тогда, ей уже Тишка то рассказал.

— Только и кричала, тебя искала всё. А Бажан вскоре сгинул. Она ль его, аль сам где, того не ведаю. А люди всякое говорили. Кто ж теперь правды сыщет.

— А пришлый тот? — спросила Вильфрида.

— А того след простыл ещё до того, как ты родилась. Он тут с месяц всего побыл. Много девок да баб перетаскал. Ходили потом мужьями битые тоже. Но вот дитяток никто не понёс.

«Кроме матери…» — подумала ведьма.

— Такая вот история, девка. А что в ней как, кто ж то доподлинно знает, — закончил наместник.

Поблагодарила Вила его и пошла к себе. Там она вновь вытащила фигурки Чуров и принялась сравнивать. Видать, и правда мать не от кузнеца понесла. Вон и черты лица у этого Чура совсем иные. Видать, оставил на память его, что ли. Только зачем? Про то, что понесла она, он тогда и знать не мог ещё.

Снова вопросов стало только больше. Она поглаживала пальцем лицо чура и думала над словами наместника.

По ним выходило, что она вовсе не дочь кузнеца. А чья тогда? Ей очень хотелось то узнать. Вот только как? Своими сомнениями она поделилась с Прошкой. Тот задумался, осмотрел чура и только хотел что-то сказать, как в дверь постучали. На пороге стоял северянин.

— Завтра в путь, — коротко бросил он. — Нойд сказал, потом ветра будут, плыть станет тяжелее.

Наказание

Любослава недовольно зыркнула на стоявшего позади воеводы домового. Ну вот куда он лезет, кто его просит?

— Ты зачем явился, кто тебя просил? Мешать только мне, чай, не твой хозяин, так чего полез? — напустилась она на того.

— А зачем нам тобой одержимый, на драккаре нам того не надо? — домовой усмехнулся. — Признавайся, чего это ты удумала! А не то… — пригрозил он ей.

— Что не то? Это в дому ваш брат силен, а на земле от вас толку немного, — злобно рассмеялась в ответ летавица.

— Плохо ты нас знаешь, бесовская душонка твоя подлая, — дух резво перехватил свою дубину, которой и приголубил воеводу, поудобнее. — Мы и на земле можем немало, говори, сказал.

— Не лезь, куда не звали, — начала злиться Любослава, теряя терпение.

— А ежели звали? То что? — насупился домовой, поигрывая дубинкой.

Ответить ему она не успела, её тело будто лапа огромная схватила, да так сильно, что дышать нечем стало, и утащила в чёрный провал, что образовался позади неё. И тут же схлопнулся, оставив опосля себя запах серы да дыма.

Наконец, после полёта в темноте, она упала на каменный пол и закашлялась. Открыла глаза и поняла, что находится в тронном зале Владыки. Он сидел на своём обычном месте. Нервно постукивал пальцами по подлокотнику и хмуро смотрел на неё из-под сведённых к переносице бровей.

— Опростоволосилась ты. Теперь ведьма будет ещё осторожнее, — громкий голос Чернобога разнёсся по залу. — А что обещала, помнишь?!

Любославка быстро закивала, испуганно тряся головой.

— С домовым совладать не смогла. Как ты его не почуяла? — голос хозяина Пекла не сулил ничего хорошего.

— Не знаю, Владыка. Я ещё не понимаю всех сил своих, — залепетала летавица, распластавшись по полу и не смея головы поднять.

— Ничего доверить нельзя вам, — устало пробасил тёмный бог и встал.

Подойдя к окну, посмотрел вниз, на привычную за столько веков картину. Вздохнул. Обернулся. Прошёлся перед лежавшей девкой. Снова присел.

— Но наказание ты своё получишь, вечером будешь выпорота! Проси богов, чтобы князь тебя заметил. Тогда и искупить вину сможешь.

Вечером за ней пришёл бес, отвёл на площадку, где проводили наказания, и подтолкнул к лавке. Девка, в страхе дрожа, вышла вперёд. Её привязали, и кнут, сделанный из крепкой кожи, засвистел.

Первый удар опустился на спину Любославы, она почувствовала, как леденящий кровь ужас проносится по её телу. Боль была острее, чем она ожидала. Но с каждым новым ударом девушка понимала: это наказание за те ожидания владыки, что она не оправдала.

После третьего удара, когда всё тело пронзила мучительная боль, она осознала: она была неправа, и её путь к исправлению начинается с принятия последствий своих поступков. В толпе душ начали раздаваться тихие разговоры. Многие сочувствовали девице.

И вот по окрестностям Пекла разнёсся пронзительный крик боли. Любославка, привязанная к лавке, корчилась от невыносимого жжения, которое пронизывало всё её тело.

В руках Волоха поблёскивал алой кровью свистящий в воздухе кнут. С каждым ударом от него отлетали клочья девичьей плоти, оставляя на спине бесицы кровавые полосы. Громкие

стоны эхом отражались от чёрных гор. Её глаза налились кровью. С каждым ударом её сознание ускользало, но бес безжалостно продолжал пытку.

Когда ей показалось, что ещё один удар — и она растворится, исчезнет, будто её и не было, раздался тихий голос.

На площадку наконец пришёл Светозар. Он не мог смотреть, как истязают бедную девушку. Совсем недавно Волох её ярил, а сейчас лупит так, будто ничего меж ними и не было. И за что? За то, что она оступилась на тропе и разлила смолу на ногу одного из бесов? Да разве ж можно так мучить за столь малый проступок? Его голос звенел яростью. Грудь тяжело вздымалась от гнева. Он сжал кулаки и вышел вперёд.

Но Волох не обратил на него внимания, а сам князь даже не заметил, как злобно и радостно сверкнули глаза девицы, как улыбка искривила её искусанные в кровь губы.

Явился всё-таки, а значит, сможет она исполнить то, что было задумано изначально. И закричала ещё громче, подгоняя Светозара принять решение и наконец вступиться за неё.

Князь дёрнулся от крика девушки, замер на миг. И вдруг бросился на Волоха. Бес его не заметил, он в этот момент замахивался для нового удара. Это-то, возможно, и дало Светозару долю секунды. Он подбежал к занёсшему уже руку Волоху. Схватил ту и резко дёрнул на себя. От неожиданности бес аж кнут выронил. Повернулся к князю, сшиб того одним ударом лапы. Светозар отлетел в сторону, но быстро поднялся на ноги.

Волох вновь занёс лапу, на этот раз целясь в голову князя. Но Светозар увернулся, нырнув под лапу беса. Тут же вскочил и нанёс серию быстрых ударов по морде Волоха. Бес взревел и отшатнулся, ошарашенный такой дерзостью.

Светозар не стал терять время и схватил валяющееся на земле то самое ведро, с которым ходил. Из него уже почти вытекла вся смола, но оставшаяся часть всё ещё могла пригодиться. Размахнувшись, он запустил ведро в Волоха. Бес, снова отвернувшийся и подлости не ждавший, замер, будто почуял что-то неладное, и повернулся. В этот миг в его морду и прилетело ведро. Оно отскочило от него, а смола, оставшаяся на морде, начала медленно стекать вниз.

Волох взревел от ярости и, размазав смолу лапой, кинулся на Светозара. Тот резво отскочил в сторону, пропуская беса мимо. Толпа затихла. Замерла.

Первак покачал головой: «Опять лезет, куда не звали его. Ох, напросится однажды!».

Но Светозар не собирался отступать. Он понимал, что в открытом бою ему не победить Волоха, но он и не собирался сражаться с тем честно. Князь кружил вокруг беса, кидал в того камни да чёрную пыль. Волох попытался схватить князя, но тот вновь увернулся.

В конце концов Светозару удалось сбить его с ног. Не теряя времени, князь запрыгнул на него сверху и принялся осыпать его морду крепкими ударами. Бес рыкнул. Упёрся в грудь княжескую да оттолкнул того.

Князь подхватился. Хотел было вновь кинуться, да об ведро брошенное споткнулся. Растянулся на земле. Волох отряхнулся и отрывисто, будто пролаял что-то, бросил в толпу зевак.

И тут же позади Светозара выскочили два беса и схватили за руку.

Волох поднялся. Размахнулся. И со всей дури ударил князя в лицо кулаком. Голова того мотнулась. Из разбитой губы потекла кровь. Новый удар рассёк бровь.

Закончив с избиением, Светозара споро привязали к лавке, разложив поудобнее, и Волох поднял оброненный кнут.

Свист. И сильный удар ожёг ещё не до конца зажившую спину.

Первак даже отвернулся, не мог спокойно смотреть на мучения парня. А тот извивался на скамье, будто змея на раскалённой сковородке. Каждый удар заставлял выгибаться так, что кости трещали. Того и гляди переломятся. Он рычал от бессильной злобы, порывался путы сорвать, да не тут-то было. А ещё и леса за руки крепко прижимали.

Он уже со счёта сбился, сколько ударов принял, когда, наконец, сознание его покинула. Голова бессильно повисла, глаза закрылись.

Волох выдохнул. Пнул Светозара напоследок и отрывисто бросил бесам:

— В камеру его, пусть там валяется!

Старик присел рядом с брошенным прямо на землю князем.

— Ой, голова твоя дурная, — покачал он своей. — Так и забьёт он тебя однажды до смерти.

Попытался было перетащить на лавку его, да не смог. Там и оставил. Решил, как оклемается, сам залезет.

А Светозар тем временем размышлял в своём беспамятстве. Он видел, будто со стороны, как лежал на лавке, привязанный к ней по рукам и ногам. Как Волох избил его до полусмерти, и всё тело ныло от боли. Голова раскалывалась, а во рту чувствовался противный привкус крови. Он чувствовал себя беспомощным, как ребёнок. Ненависть к бесу вдруг захлестнула его с такой силой. Князь ненавидел его. Ненавидел его за то, что он избил его, за то, что держал в плену, за то, что разрушал его жизнь.

Видение сменилось. Светозар увидел, как его суженая плывёт на ладье северян по широкой реке. Берега её были крутыми и обрывистыми, поросшими густым лесом. Он узнал реку, то был Славутич. Деревья по её берегам тянулись к небу.

Вильфрида стояла на носу драккара, её тёмные глаза смотрели вперёд. Ветер играл в её черных волосах, развевая их по плечам. Как же она была прекрасна в свете закатного солнца. Река текла быстро и бурно, её тёмные воды легко несли ладью дальше и дальше. Солнце клонилось к закату, и лучи его золотили верхушки деревьев, бросая длинные тени на воду.

Ведьма смотрела на берега, и князю вдруг показалось, что он слышит её мысли, слышит, что она видит в них отражение своей собственной души. Тёмный лес, дикая река — всё это было похоже на неё саму.

Светозар сел и потёр виски. Голова всё ещё болела, но боль уже не была такой сильной. Он осмотрелся. Всё та же привычная камера. Вон и бурдюк с водой. Он застонал. Дотянулся и попил.

Затем поднялся и подошёл к двери. Посмотрел сквозь прутья и пошёл, пошатываясь, к лавке. На своей уже крепко спал Первак. Ну и то ладно. Не станет читать морали.

Кое-как лёг и закинул руки за голову. От чего всё тело пронзила болью. «Ну а что, сам виноват. Полез, защитник». Светозар усмехнулся собственным мыслям и закрыл глаза. И сам даже не понял, как заснул. Разбудили его крики. Старик громко на кого-то кричал:

— Пошла, говорю, прочь, вертихвостка этакая. Из-за тебя сейчас он страдает, а у тебя ещё совести явиться хватило! Аль думала, никто не видит, как тебя Волох по кустам таскается!

Еле разлепив опухшие от сна веки, князь попытался встать и тут же упал от жгучей боли, пронзившей тело.

— А я будто по своей воле! Можно подумать, меня кто спрашивает, таскать меня али не таскать. Ему приспичило, и будь добра, подставляй, — раздался визгливый девичий голос.

— А ты и рада. Вона как на днях подмахивала-то! — не успокаивался дед, размахивая руками.

— А что мне, морду кривить? И так вон как измордовал всю. А ежели б отказала, то и вовсе бы насмерть забил! — кричала девка, утирая слёзы с заплаканного лица.

— Конечно, сама, мол, не рада?! А ну пошла отсель, кому сказано!

Светозар наконец смог сесть, опираясь на стену.

— Ну чего разорались? Голова болит, — он нашарил рукой бурдюк, отпил, и тёплая вода полилась по груди.

— Да вон явилась! Бесовская девка.

— Сам ты бесовский. Я, между прочим, у Волоха вчера мазь украсть смогла. Для него вон старалась. Спиной своей рисковала. А мне теперь и пары ударов хватит дух испустить, — Любославка повертела в руках деревянную коробочку, содержимое которой источало приятный травянистый запах.

— Небось отрава какая, извести удумала! — вновь накинулся на девку Первак, сверкая глазами.

— Я себе ей мазала, вона, считай, и следов нет, — сказала она, поворачиваясь и задирая изодранную рубаху.

Следов и правда стало намного меньше. В том убедился и дед, и хмыкнул.

— А ежели не та то мазь?

Девка открыла коробку и помазала себе плечо желтовато-серой смесью.

— А так веришь?! — сверкнула она глазами и подбоченилась, с вызовом глядя на старика.

Тот посмотрел с недоверием. Сел на лавку и опять хмыкнул.

Любославка настороженно смотрела на деда. Тот тоже оглядывал её из-под сведённых бровей, но молчал. Светозар лежал, прикрыв глаза, и благодарил их, что они перестали препираться.

Девица подумала и решительно сделала шаг к князю, но дед тут же вскочил с лавки и преградил ей путь.

— Не пущу! Куда прёшь? — вновь закричал он.

Любишка вздохнула и, коротко взглянув на старика, захлопала глазами и, приоткрыв рот, хотела что-то сказать, но не стала, а лишь расплакалась и бросилась к нему на грудь.

— Ты не понимаешь ничего! У меня нет выбора, окромя как служить Волоху! Я... — она замолчала, всхлипнув, и завыла в голос.

Дед, опешив от такого поворота, не стал отталкивать её. Рука его сама потянулась к Любославе, по-отечески похлопав по её плечу. Девка лишь на секунду замолчала и тут же продолжила ещё пуще реветь.

— Кому я тут нужна? Никому, — голосила она. — Вот и терплю всё, а как иначе.

Растирая сопли по лицу, она косо посматривала на Первака.

Еле успокоив девку, дед усадил её на свою лавку. Она всё ещё мелко подрагивала от слёз, но они уже не лились градом, лишь сидела, сгорбившись и вертя баночку со снадобьем в руках.

— И за что ж тебя сюда, такую сердобольную? — ехидно спросил старик. — Вона какая вся чёрная-то, будто сажа.

— Любви захотелось, Маре служить пошла, чтобы соперницу извести, — опустив голову и теребя край рубахи, буркнула та в ответ. — А та меня в реке притопила, змеюка.

— А ты, значит, жертва её невинная? — усмехнулся Первак, покручивая свой длинный ус.

— Ну, может, и не невинная, но сгубила не я её, не ей в Пекле столько веков проводить.

— Ну, допустим, и ей, она ж тебя утопила, душу очернила, — разумно заметил дед, почёсывая подбородок.

— Ну вот я искупить вину и пытаюсь, — ответила Любишка, всхлипывая.

— А что ж ничего не светлеет-то? — подозрительно прищурился старик, наклоняясь к ней.

— А я-то почём знаю? — снова перешла на крик Любослава, отстраняясь от него.

Князю же уже порядком надоела эта перепалка.

— Вам на работу не пора?! — раздражённо воскликнул он, хватаясь за голову.

— Меня за тобой следить оставили, — буркнул Первак, поворачиваясь к князю.

— А я избитая, мне лежать велено, — отозвалась девка, потирая ушибленный бок.

Светозар вздохнул, покоя ему сегодня не видать. Но старик и Любослава вроде как притихли. Лишь молча сверкали друг на друга глазами.— Мажь, что ли, — наконец проговорил князь, морщась от боли.

Боль в спине была такой, что терпеть её не было мочи. Девица тут же подскочила и открыла снадобье.

— А ежели… — начал было дед.

— Куда хуже-то уже? — спросил его Светозар, теряя терпение.

Старик махнул рукой и отвернулся.

Мягкие прохладные ладошки принялись обрабатывать княжескую спину. Девушка мягко касалась его ран, тихо шептала слова ободрения.

Первак посмотрел на её руки, нет, не светлеют. Что-то с этой девкой не так, а что, он никак не мог в толк взять, а оттого тревожился ещё больше.

А Чернобог меж тем распекал Волоха:

— Ты старика зачем оставил, как она должна князя при том охомутать?! — кричал он.

— Так завсегда так делаем, подозрения б были, ежели б я его на работу погнал, — оправдывался бес, потирая лоб, в который до того прилетела брошенная владыкой кость.

Хозяин Пекла задумался и встал у высокого окна, жуя чьё-то крылышко.

— Ну и то верно, но ей-то как быть? — он смотрел вниз, где сновали души, подгоняемые кнутами бесов.

— Так сперва задружится, а там и легче станет, глядишь, — предположил Волох, хитро прищурившись.

— То же верно, может, ты и прав, — задумчиво протянул Чернобог. — А ведьма что? Прознала чего?

— Нет пока, мешает нам кто-то сны ей показывать.

— Мара-то, некому больше, — мужчина сжал кулаки. — Лезет вечно в мои дела, окаянная.

— Она может, она ж хозяйка мира сонного, — кивнул поддакивая бес.

— Но ты продолжай, нам надобно, чтобы она до острова всё прознала!

— А ежели не успеем? Тогда что? Мара она сильна, — забормотал тот.

— Тогда сам всё расскажу, как придёт, — ответил Владыка.

— А как не поверит? — почесал лысую голову Волох.

— Поверит, есть у меня что ей показать.

Бес вопросительно наклонил голову, но ответа не получил.

— Ну всё, ступай, позову, как надобен станешь, — Чернобог махнул рукой.

Волох поклонился и вышел вон.

Едва за бесом закрылась дверь, как он достал из кармана странный прозрачный сосуд, в котором билась женская душа, стучала по его стенкам. Что-то громко кричала, но что — не было слышно.

— Есть мне что ей показать, — повторил тёмный бог и прикрыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.